

АРИСТОТЕЛЬ

О СОФИСТИЧЕСКИХ ОПРОВЕРЖЕНИЯХ

//АРИСТОТЕЛЬ. СОЧИНЕНИЯ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ. —
Т.2. — М., 1978. — С.535-593.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[Цель и содержание сочинения. Софисты и софистические силлогизмы]

Итак, мы говорим о софистических опровержениях, т.е. о тех, которые хотя и кажутся опровержениями, но суть паралогизмы, а не опровержения, и начинаем, естественно, с первых.

Что одни [опровержения] суть умозаключения, а другие, не будучи ими, лишь кажутся таковыми, — это очевидно. В самом деле, так же как это бывает в других областях в силу некоторого сходства, так и при приведении доводов. Ведь поведение одних людей действительно безукоризненное, у других это только кажется, поскольку они принимают важный вид и ведут себя исправно, как подобает членам филы. И одни красивы своей красотой, а другие только кажутся красивыми, потому что прихорашиваются. Точно так же обстоит дело и с неодушевленными предметами. А именно, одни из них действительно серебро или золото, а другие нет, но кажутся таковыми чувственному восприятию. Так, вещи свинцово-серебристого цвета и вещи из олова кажутся серебряными, а вещи цвета желчи — золотыми. Таким же образом и одни умозаключения и опровержения действительные, а другие нет, но кажутся такими по неопытности. Ибо неопытные смотрят как бы находясь на большом расстоянии. Умозаключение же исходит из определенных положений таким образом, что оно через положенное с необходимостью высказывает нечто отличное от положенного. А опровержение — это умозаключение с выводом, противоречащим заключению [собеседника]. Некоторые опровержения не осуществляют этого, но кажутся осуществляющими это, по многим причинам, из которых самый удобный и распространенный топ — исходящий из имен... В самом деле, так как нельзя при рассуждениях приносить самые вещи, а вместо вещей мы пользуемся как их знаками именами, то мы полагаем, что то, что происходит с именами, происходит и с вещами, как это происходит со счетными камешками для тех, кто ведет счет. Но соответствия здесь нет, ибо число имен и слов ограничено, а количество вещей неограничено. Поэтому одно и то же слово и одно имя неизбежно обозначают многое. Значит, так же как в приведенном примере сведущие вводят в заблуждение тех, кто не умеет обращаться со счетными камешками, так и при приведении доводов неправильно умозаключают те, кто не знает значений слов, — и когда сами рассуждают, и когда слушают других. По этой причине и по другим причинам, о которых речь впереди, имеются умозаключения и опровержения, которые только кажутся таковыми, не будучи ими. А так как некоторые заботятся больше о том, чтобы слыть мудрыми, чем быть мудрыми и не слыть ими (ведь софистика — это мнимая мудрость, а не действительная, и софист — это тот, кто ищет корысти от мнимой, а не действительной мудрости), то ясно, что для них важно скорее казаться исполняющими дело мудрого, чем действительно исполнить его, но при этом не казаться исполняющими его. Дело же знающего — каждый раз, сопоставляя одно с другим, говорить правду относительно того, что он знает, и уметь уличать лжеца. А это означает, с одной стороны, уметь высказывать свои доводы, а с другой — выслушивать другие. Поэтому те, кто хочет прибегать к софизмам, должны исследовать род указанных [нами] доводов. Ибо это полезно [для их цели], так как такое умение позволяет казаться мудрым, к чему они как раз и стремятся.

Таким образом; ясно, что имеется такой род доводов и что те, кого мы называем софистами, добиваются такого умения. Сколько же имеется видов софистических доводов, из чего слагается это умение, из скольких частей состоит настоящее исследование и обо всем остальном, что способствует этому искусству, — об этом и пойдет теперь речь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[Четыре рода доводов]

Имеется четыре рода доводов в беседах — поучительные, диалектические, испытующие и эристические. Поучительные заключают исходя из собственных начал соответствующей науки, а не из мнений отвечающего (ведь тот, кто учится, должен доверяться). Диалектические — те, которые заключают от правдоподобного к одному из членов противоречия. Испытующие — те, что заключают от [положений], которые отвечающий считает правильными и которые необходимо знать тому, кто притязает на обладание знанием (а каким образом — указано в другом месте). Эристические — те, что заключают или кажутся

закрывающими от [мнений], кажущихся правдоподобными, но не действительно правдоподобных. Что касается доказывающих доводов, то о них сказано в «Аналитиках», о диалектических же и испытующих — в других сочинениях, а о препирательских, т.е. эристических, речь пойдет теперь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[*Пять целей софистов в спорах*]

Прежде всего следует уяснить, сколько целей преследуют те, кто рассуждает лишь ради спора и желания одолеть. Таких целей пять: опровержение; ложное; несогласующееся с общепринятым; погрешность в речи и, пятое, принуждение собеседника к пустословию, т.е. к частому повторению одного и того же. Или же [софисты] добиваются каждой из этих целей не на деле, а хотя бы по видимости. Больше всего они намерены создать видимость того, что они опровергают; второе - показать, [что собеседник говорит] неправду; третье — привести его к тому, что не согласуется с общепринятым; четвертое — заставить его делать погрешности в речи, т.е. своими доводами заставить отвечающего говорить неправильно подобно чужестранцу; наконец, заставить его говорить часто одно и то же.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[*Шесть видов софистических опровержений, основанных на неправильном употреблении словесных выражений*]

Имеется два способа [софистического] опровержения: одни опровержения — от оборотов речи, другие — не от оборотов речи. Способов создать на основании оборотов речи видимость опровержения имеется шесть: одноименность, двусмысленность, соединение, разъединение, ударение или произношение и форма выражения. Правильность этого [перечисления] (хотя можно было бы указать другой способ) подтверждается наведением или силлогизмом, а также тем, что [лишь] столькими способами можем мы одними и теми же именами и выражениями (*logoi*) обозначать разное. На одноименности основываются такие доводы, как например, что «те, кто знает, *manthanoysin* (учатся) ведь учителя грамоты *manthanoysin* (понимают), излагая изустно свои знания». Дело в том, что *manthanein* многозначно: оно означает «понимать, применяя знание», и «приобретать знание». Или далее, что «зло есть благо, ибо *ta deonta* (то, что должно быть) есть благо, а зло *deonta* (должно быть)». Дело в том, что *deonta* имеет два значения: «неизбежное» — что часто бывает и со злом (ведь некоторое зло неизбежно), и о благе мы также говорим как о «долженствующем». Далее, что «один и тот же человек сидит и стоит, болен и здоров. Ведь именно тот, кто встал, стоит, и именно тот, кто выздоровел, здоров. Встал же сидящий и выздоровел больной». В самом же деле то, что больной то или иное делает или претерпевает, означает не одно [и то же], а речь идет иногда о том, кто *теперь* болен [или сидит], а иногда о том, кто *раньше* болел [или сидел]. Однако [можно сказать двойкой]: выздоравливал тот, кто болен (*kamnoi*), и выздоравливал больной (*ho kamnOn*), а здоров не тот, кто болен, а больной, который не теперь [болен], а раньше [болел]. На двусмысленности основываются такие доводы: «Желание врагов захватить» или «Если *знает* это, то, знает ли *это*?» Ведь последнее выражение может означать, что кто-то знает это и что само это знает. Или: «Если *видит* это, то видит ли *это*? Видит же [кто-то] столб. Следовательно, видит столб».

Или: «Значит, говоришь ты «есть» — говоришь ли ты- *это* есть? Но ты говоришь, что [это] есть камень. Стало быть, ты говоришь, что ты камень». Или: «Говорит ли молчащий (*sigonta legein*)?» В самом же деле *sigonta legein* означает двойкой: что говорящий молчит и что молчит то, о чем он говорит.

Имеется, таким образом, три способа [рассуждать] на основании одноименности и двусмысленности: один — когда выражение или имя означает многое, например, *aetos* и *kyon*; другой — когда мы привыкли говорить таким именно образом, а третий — когда в сочетании имя означает не одно, а многое, отдельно же — только одно, например «знание букв», а именно: каждое в отдельности — «знание» и «буквы» — означает как раз нечто одно, а оба вместе больше чем одно: или сами буквы имеют знание, или кто-то другой знает буквы.

Итак, на этих способах основываются двусмысленность и одноименность. На соединении же основываются такие [доводы], как, например, «сидящий способен ходить» и «непишущий — писать». Ведь значение не одно и то же, высказывают ли отдельно или вместе, что сидящий способен ходить <и непишущий — писать>, и точно так же [во втором примере], если соединяют эти слова и говорят «непишущий пишет». Ведь это означает, что он обладает способностью писать, будучи *непишущим*. Если же не соединяют, то это означает, что и когда он не пишет, он обладает способностью писать. Или [пример]: «Он учится теперь грамоте, если только он учится тому, что он знает». Далее: «Что в состоянии нести только одно, в состоянии нести многое».

На разъединении основываются такие доводы, как: «Пять — это два и три; значит, пять есть нечетное и

четное». Или: «Большее есть равное, ибо оно столько же и еще что-то сверх этого». В самом же деле не всегда одна и та же речь, будучи разъединенной, имеет то же значение, что и тогда, когда она соединена, например: «*egos'etbeka doylon onf eleytheron*» или «*pentekont' andrOn hekaton lipе dios Achilleys*».

На основании ударения или произношения нелегко в устных беседах выдвигать доводы, скорее в писаниях и стихотворениях. Так, например, некоторые исправляли Гомера, защищая его от упрека, что нелепы его слова «Дерево, которое (hoу) гниет от дождя». Они решают это с помощью произношения, говоря, что [у Гомера] не hoу, а ou (не) со знаком острого ударения. И точно так же — относительно сновидения Агамемнона, что не сам Зевс сказал «Мы позволяем (*didomen*) ему славу стяжать», а велел сновидению позволять (*didonai*) это. Таковы доводы, основывающиеся на произношении или ударении.

Доводы основываются на форме выражения, когда то, что не одно и то же, излагают одинаково, например мужской род — как женский род, или женский род — как мужской, или средний род — либо как мужской, либо как женский род, или же качество — как количество, или количество — как качество, или действующее — как претерпевающее, или состояние — как действие и так далее, согласно проведенному ранее различению [категорий]. Ведь то, что не принадлежит к действиям, можно в речи обозначать как действие: например, по форме выражения «здороваться» (*hy-giainein*) одинаково с «резать» или «строить», хотя первое указывает на некоторое качество и состояние, а последнее — на какое-то действие. Точно так же и в других таких случаях.

Итак, опровержения от оборотов речи исходят из этих топов. Паралогизмов не от оборотов речи имеется семь [видов]: первый — от привходящего; второй — такие, в которых говорится о [присущем] вообще или же не вообще, а в каком-то отношении, в каком-то месте, в какое-то время и по отношению к чему-то; третий — от незнания [сути] опровержения; четвертый — от следования; пятый — от принятия положенного вначале; шестой — такие, в которых то, что не есть причина, выдается за причину; седьмой — такие, в которых многие вопросы сводят к одному вопросу.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[*Семь видов софистических опровержений,
независимых от словесных выражений*]

Итак, паралогизмы от привходящего получаются, когда утверждают, что все присущее вещи присуще и тому, что привходяще для нее. В самом же деле, хотя одной и той же [вещи] привходяще многое, не **обязательно**, чтобы все это было присуще всему тому, что называется [о ней] и о чем оно сказывается. Например, «если Кориск не то же, что «человек», то он не то же, что он сам, так как он человек». Или: «Если Кориск не то же, что Сократ, а Сократ — человек, то, — говорят они, — признается, что Кориск не то же, что человек»; ведь привходяще то, что тот, от которого, как было сказано, отличен [Кориск], есть человек.

Паралогизмы от сказанного [о чем-то как о присущем] вообще или в каком-то отношении и но в собственном смысле получаются, когда сказанное **ограничительно** берется как сказанное вообще, например «если не-сущее есть воображаемое, то не-сущее *есть*». В самом же деле не одно и то же быть чем-то и быть вообще. Или наоборот, что «сущее не есть сущее, если оно не есть что-то из существующего, например если оно не есть человек». Но дело в том, что не одно и то же не быть чем-то и не быть вообще. Но [людям] кажется, что это одно и то же из-за большого сходства, выражения и из-за того, что различие между «быть чем-то» и «быть» и между «не быть чем-то» и «не быть» кажется незначительным. И точно так же обстоит дело с [паралогизмами] от сказанного [о чем-то как о присущем] в каком-то отношении и вообще. Например, «если индеец, будучи весь смуглый, имеет белые зубы, то он белый и не белый». Или если он и то и другое в каком-то отношении, то ему, мол, вместе присущи противоположности. В некоторых случаях такие [уловки] легко усмотреть всякому; например, если тот, с кем соглашаются, что эфиоп черен, спрашивает, белые ли зубы у эфиопа. Если же [признают], что эфиоп в этом отношении бел, то вопрошающий, заключая, что эфиоп черен и бел, полагает, что, доведя до конца постановку вопроса, он рассуждал посредством умозаключения. В некоторых же случаях [такие уловки] остаются незамеченными, а именно в тех случаях, когда о чем-то говорится [как о присущем] в каком-то отношении, а кажется, что следует также [присущее] вообще, и когда нелегко усмотреть, что из этого считать правильным. Это бывает в тех случаях, когда противолежащие друг другу [свойства] одинаково присущи. Ибо тогда кажется, что надо согласиться, что или и то и другое может сказываться вообще, или что ни одно из них не может сказываться. Например, если нечто наполовину бело и наполовину черно то [спрашивается], белое ли оно или черное?

Иные паралогизмы возникают из-за того, что точно не обозначили, что такое умозаключение и что так такое опровержение, и из-за наличия изъяна в [их] определении. Ибо [правильное] опровержение есть нечто противоречащее одному и тому же — не имени, а предмету, а если имени, то не **соименному**, а

тождественному; такое опровержение исходит из согласованных [посылок] и следует [из них] с необходимостью (не включая положенного вначале) в том же отношении в отношении того же, одинаковым образом и для того же времени, [что и положение опровергаемого]. Вводить в заблуждение относительно чего-то можно таким же образом. Некоторые же, упуская что-то из только что указанных [условий], опровергают лишь по видимости, например [доказывая], что одно и то же есть двойное и не двойное, так как два есть двойное против единицы, но не двойное против числа три. Или если [утверждают], что одно и то же есть двойное и не двойное против одного и того же, однако не в одном и том же отношении, ибо оно двойное по длине, но по ширине не двойное. Или если [утверждают], что [нечто есть что-то одно] в отношении одного и того же и в одном и том же отношении и одинаковым образом, но не для одного и того же времени; ввиду этого опровержение — мнимое. Впрочем, такое опровержение можно причислить и к опровержениям от оборотов речи.

Паралогизмы от принятия положенного вначале получаются так же и столькими же способами, сколькими способами возможно постулировать из начала. Видимость опровержения получается здесь из-за неспособности отчетливо видеть, что есть одно и то же и что — разное.

Опровержение от следования получается оттого, что полагают, будто возможно обратное следование, а именно когда на основании того, что, если есть вот это, необходимо есть то, полагают, что, если есть то, необходимо есть и вот это. Отсюда и ошибки во мнениях, опирающихся на чувственное восприятие. В самом деле, часто принимают желчь за мед, потому что желтый цвет связывают с медом. Равным образом мы полагаем, что раз земля становится влажной от дождя, то, если земля влажная, значит, шел дождь. Однако это не необходимо. И в искусстве красноречия доказательства от признака основываются на следовании. Ведь, желая доказать, [например], что кто-то есть прелюбодей, делают этот вывод из того, что он щеголь или что его видели шатающимся ночью. Но это бывает со многими, однако обвинять их [в прелюбодеей] нельзя. Равным образом — и в рассуждениях через умозаклучения. Так, довод Мелисса о том, что Вселенная беспредельна, исходит из того, что Вселенная есть невозникшее (ведь из не-сущего ничего не может возникнуть), а возникшее имело начало. Поэтому раз Вселенная не возникла, то она не имеет начала, стало быть, она беспредельна. Однако это не следует с необходимостью, ибо если все возникшее имеет начало, то это не значит, что все, что имеет начало, возникло, так же как из того, что у большого лихорадкой жар, следует, что все, у кого жар, болеют лихорадкой.

Опровержения от принятия за причину того, что не есть причина, имеются, когда то, что не есть причина, присовокупляется так, как будто на его основании получается опровержение. Это бывает в умозаклучениях через невозможное. Ибо в них необходимо оспорить что-то из положенного. Поэтому если к вопросам, необходимым для невозможного заключения, причисляют то, что не есть причина, то часто кажется, что опровержение получилось на его основании, например [в положении], что душа и жизнь не одно и то же. А именно, если возникновение противоположно уничтожению, то и определенного рода возникновение противоположно определенному рода уничтожению. Смерть же есть определенное уничтожение и противоположна жизни. Стало быть, жизнь есть возникновение и жить — значит возникать. Но это невозможно, значит, душа и жизнь не одно и то же. Однако этот вывод не получен через умозаклучение. В самом деле, невозможное получается и в том случае, если не отождествляют жизнь и душу, а принимают лишь, что жизнь противоположна смерти, которая есть уничтожение, и что возникновение противоположно уничтожению. Такие доводы приводятся через умозаклучение не вообще, а только в отношении обсуждаемого. Часто нечто такое не в меньшей мере остается незамеченным самими вопрошающими.

Таковы доводы от следования и от [принятия за причину] того, что не есть причина. Доводы же от соединения двух вопросов в один встречаются, когда не замечают, что задается больше чем один вопрос дают один ответ, как если бы был задан один вопрос. В некоторых же случаях сразу видно, что задают больше чем один вопрос, и потому не следует давать на них один ответ, например [когда спрашивают] «земля — это море или небо?» А в некоторых случаях это не так легко видно, и, считая, что это один вопрос или не дают ответа на вопрос, или подвергаются мнимому опровержению. Например: «Человек ли этот и тот? Да. Значит, если бьют этого и того, то бьют одного человека, а не двух человек». Или еще: «Если из этих вещей одни хороши, другие не хороши, то все ли они хороши или не хороши?» Какой бы ответ ни дали, можно, видимо, делать мнимое опровержение или ложное [утверждение]. Ведь сказать, что нечто из нехорошего хорошо или нечто из хорошего нехорошо, неправильно. Однако иногда, если что-то прибавить, опровержение может стать верным, например если кто-то признает, что одно и многие одинаково называются белыми, или обнаженными, или слепыми. Ибо если слепое — это то, что не имеет зрения, хотя ему естественно его иметь, то и слепыми будут те, что не имеют зрения, хотя им естественно его иметь. Поэтому, [говорит софист], когда одно [животное] имеет зрение, а другое нет, оба будут или

зрячими, или слепыми; а это невозможно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[Паралогизмы противоречат правилам опровержения]

Мнимые умозаключения и опровержения следует разделять таким именно образом или же всех их следует свести к незнанию [сути] опровержения, считая это началом, ибо все виды [софистических опровержений] можно свести к [тому или иному нарушению] определения опровержения. Прежде всего следует смотреть, не обстоит ли дело так, что они не основаны на правильном умозаключении. Ведь заключение должно вытекать из данных [посылок], так что оно должно следовать (*legein*) с необходимостью, а не только по видимости. Затем [следует смотреть], соответствуют ли они частям определения. Ведь из паралогизмов от оборотов речи одни основываются на двояком значении, каковы одноименность, [двусмысленная] речь и сходство по форме выражения (ведь принято обозначать все как определенное нечто). А соединение, разъединение и произношение или ударение [вводят в заблуждение] потому, что речь не одна и та же или имя разное, а ведь имя должно быть одним и тем же, как и сам предмет один и тот же, если хотят, чтобы было опровержение или умозаключение. Например, если речь идет о плаще, то умозаключать надо не о покрывале, а о плаще, ибо хотя положение о покрывале правильно, но не выведено через умозаключение: для того, кто спрашивает, почему так, необходим еще вопрос, означает ли это одно и то же.

Паралогизмы же от привходящего становятся очевидными, когда дается определение умозаключения. Ведь то же определение должно быть и для опровержения, разве что прибавляется «противоречие», ибо опровержение есть умозаключение к противоречию. Поэтому если нет умозаключения о привходящем, то не получается и опровержения. В самом деле, если при наличии одного и другого необходимо существует третье, а третье бело, то не необходимо, чтобы это «бело» вытекало из умозаключения. И если треугольник имеет углы, равные [в совокупности] двум прямым, и ему случается быть фигурой, или первым, или началом, то он имеет [такие] углы не потому, что он есть фигура, или начало, или первое. Ведь доказательство касается треугольника не поскольку он фигура или первое, а поскольку он треугольник. И точно так же в других случаях. Так что если опровержение есть некоторое умозаключение, то не может быть опровержения на основании привходящего. Тем не менее несведущие выдвигают опровержения и против знатоков своего дела, и против сведущих вообще. Ибо они строят умозаключения против знающих на основании привходящего. И те, кто не в состоянии проводить здесь различия, или соглашаются, когда их спрашивают, или, не соглашаясь, думают, что согласились,

Паралогизмы от сказанного [о чем-то как о присутщем] в каком-то отношении или вообще получаются потому, что утверждение и отрицание касаются не одного и того же. В самом деле, отрицанием «в каком-то отношении бело» будет «в каком-то отношении не бело», а отрицанием «вообще бело» будет «вообще не бело». Поэтому если [отвечающий], соглашаясь с тем что нечто в каком-то отношении бело, принимает это как сказанное безотносительно, то [вопрошающий] не опровергает, а только кажется, что он опровергает, потому что [отвечающий] не знает, что такое опровержение.

Наиболее очевидные паралогизмы из всех — указанные ранее, как нарушающие определение опровержения, почему они и названы так. Ибо здесь возникает видимость [опровержения] из-за упущения в определении его. И если различать паралогизмы так, как мы различали, то упущение в определении опровержения следует признать общим им всем.

Паралогизмы от принятия [положенного] вначале и от признания того, что не есть причина, за причину также обнаруживаются с помощью определения. Ведь заключение должно следовать потому, что [посылки] таковы и именно это не нашло себе места среди того, что не есть причина; с другой же стороны, заключение должно следовать без того, чтобы быть включенным в то, что [положено] вначале, и именно этого условия нет у паралогизмов от постулирования из начала.

Паралогизмы от следования составляют часть паралогизмов от привходящего. Ибо следствие есть нечто привходящее и отличается от привходящего [лишь] тем, что привходящее можно брать только для чего-то одного (например, [когда утверждают], что желтое и мед или белое и лебедь — одно и то же), а следствие всегда относится ко многому. Ведь мы полагаем, что [предметы], тождественные одному и тому же, тождественны между собой. Поэтому получается опровержение от следования. Однако это верно не во всяком случае, например когда [тождественность] привходящая. Ведь снег и лебедь тождественны лишь в том смысле, что они белое Или же принимают, как в доводе Мелисса, что быть возникшим и иметь начало — одно и то же или что одно и то же — стать равным и принять одну и ту же величину. А именно, на том основании, что возникшее имеет начало, Мелисс полагает, что то, что имеет начало, возникло, как будто оба — возникшее и ограниченное — одно и то же потому, что имеют начало. И точно так же в отношении становящегося равным [считают, что] если [вещи], принимающие одну и ту же величину, становятся

равными между собой, то и [вещи], становящиеся равными, принимают одну и ту же величину. Так что здесь используют следование. А так как опровержение от приводящего кроется в незнании [сути] опровержения, то очевидно, что так же и опровержение от следования. Но это надлежит рассмотреть и иначе.

А паралогизмы от принятия многих вопросов за один кроются в том, что мы неправильно расчлняем основание посылки. Ведь посылка есть [высказывание] чего-то одного о чем-то одном. Определение же одного отдельного предмета и предмета вообще — одно и то же, например определение человека [вообще] и одного отдельного человека. И точно так же в других случаях. Если, таким образом, отдельная посылка — это та, которая утверждает нечто одно о чем-то одном, то и посылка вообще будет такого рода вопросом. Но так как умозаключение состоит из посылок, а опровержение есть умозаключение, то и опровержение должно состоять из посылок. Поэтому если посылка есть [высказывание] чего-то одного о чем-то одном, то очевидно, что и указанный паралогизм кроется в незнании того, что есть опровержение. Ибо лишь кажется посылкой то, что не есть посылка. Если поэтому дан ответ как на один вопрос, то опровержение будет; если же не дан, а только кажется, что дан ответ, то опровержение мнимое. Итак, все виды [паралогизмов] относятся к незнанию [сути] опровержения: те, что от оборотов речи, — потому, что противоречие мнимое, а ведь именно противоречие есть отличительная черта опровержения, а остальные основаны на [нарушении] определения силлогизма.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[Причины,

почему такие паралогизмы вводят в заблуждение]

Паралогизмы от одноименности и [двусмысленной] речи вводят в заблуждение из-за неспособности разбирать различные значения того, что говорится (ведь кое-что действительно нелегко разобрать, например [значения] единого, сущего, тождественного), а от соединения и разъединения — из-за мнения, будто нет никакой разницы, дается ли слово в сочетании или обособленно, как это действительно бывает в большинстве случаев. И точно так же обстоит дело с паралогизмами от произношения или ударения. Ибо ослабление или усиление голоса при произношении слова, надо полагать, никогда или большей частью не меняет его смысла. Паралогизмы же от формы выражения вводят в заблуждение из-за сходства выражений. Ибо трудно разобрать, что говорится в одинаковом смысле, а что — в разном. Ведь тот, кто способен это разбирать, близок, пожалуй, к усмотрению истины. Больше же всего побуждает к согласию [с обманом] то, что все, о чем что-то сказывается, мы считаем определенным нечто и воспринимаем как что-то одно. Ведь кажется, что «определенное нечто» и «сущее» больше всего сопутствуют единому и сущности. Вот почему и этот вид паралогизмов следует причислять к основанным на [двусмысленности] выражения, во-первых, потому, что получается большее заблуждение, когда мы рассматриваем что-то вместе с другими, нежели когда рассматриваем его самостоятельно (ведь рассмотрение чего-то вместе с кем-то другим происходит через посредство слов, а самостоятельное рассмотрение — ничуть не хуже — посредством самого предмета); во-вторых, потому, что бывает, что и самостоятельно заблуждаются, когда рассмотрение направлено на слово; в-третьих, заблуждение возникает из-за сходства, а сходство — из-за способа выражения. Паралогизмы от приводящего вводят в заблуждение ввиду неспособности отличать тождественное от разного, единое — от многого и разбираться в том, что не во всех случаях приводящее для **сказываемого** [о предмете] есть приводящее для самого предмета. Точно так же и паралогизмы от следования. Ведь следствие есть часть приводящего. Далее, во многих случаях кажется и считается [верным], что если нечто одно не отделено от чего-то другого, то и последнее нельзя отделить от первого. В паралогизмах, основанных на упущении в определении [опровержения], равно как и от сказанного [о чем-то как о присущем] в каком-то отношении и вообще, заблуждение возникает из-за незначительности [различия], ибо, полагая, что «какое-то», в «каком-то отношении», «каким-то образом», «теперь» ничего не добавляют к содержанию, мы признаем [положение] за общее. Точно так же и в паралогизмах от принятия [положенного] вначале, от принятия того, что не есть причина, за причину и от принятия многих вопросов за один: во всех них заблуждение возникает из-за незначительности [различия], ибо по указанной причине мы точно не знаем ни что такое посылка, ни что такое умозаключение.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[Основания софистических опровержений]

Так как мы знаем, на основании чего получают мнимые умозаключения, то мы знаем и то, на основании чего получают софистические умозаключения и опровержения. Я называю софистическим опровержением и умозаключением не только мнимое, не действительное умозаключение и мнимое, не действительное опровержение, но и хотя и действительные, однако лишь кажущиеся относящимися к делу. Это те, которые опровергают, не касаясь предмета [обсуждения], и не выявляют незнание [отвечающего], а

ведь это, как было сказано, есть дело искусства испытывания. Искусство же испытывания есть часть диалектики, а оно умеет выводить ложные заключения, потому что [отвечающий] по незнанию соглашается с доводом. Софистические же опровержения, даже если и доказывают через умозаключение противоречащее [утверждениям, отвечающего], не делают ясным, невежествен ли [собеседник], ибо [софисты] такими доводами ставят ловушку даже знающему.

А что мы знаем эти опровержения, используя тот же самый путь исследования, — это ясно. Ибо [топы], исходя из которых слушателям кажется, что заключение получено при помощи вопросов, служат основанием того, что и отвечающий так считает; поэтому через них — или всех, или некоторых — получаются ложные умозаключения. Ибо с тем, с чем кто-то намерен согласиться, не будучи спрошенным, он согласился бы, будучи спрошенным, разве что в иных случаях бывает, что, как только ставят вопрос, который еще требуется [для вывода], обнаруживают ложность, например в умозаклчениях от оборотов речи и от погрешности в речи. Поэтому если ложные умозаключения к противоречию основываются на мнимом опровержении, то ясно, что заключения к ложному получаются на том же основании, что и мнимое опровержение. А мнимое опровержение основывается на том, что [опущены] отдельные части правильного опровержения, ибо, если обойдена какая-то отдельная часть, получается мнимое опровержение, например основывающееся на том, что [заключение] не вытекает из довода (т.е. приводящее к невозможному), принимающее два вопроса за один вопреки посылке или основывающееся на подмене присущего самого по себе привходящим и — как часть этого опровержения — на следовании; далее, опровержение, касающееся слова, а не сути дела; далее, те, которые, вместо того чтобы брать противоречие как общее и в одном и том же отношении, относительно одного и того же и одинаковым образом, нарушают или одно, или все эти [требования]; наконец, опровержение, **постулирующее** [положенное] вначале вопреки [правилу] — не включать его в [доказательство]. Итак, мы знаем, на каких основаниях получаются паралогизмы, ибо, кроме этих, вряд ли может быть еще, и все исходят из указанных [топов].

Софистическое опровержение есть опровержение не вообще, а обращенное против определенного лица, и точно так же — софистическое умозаключение. Если опровержение от одноименности не добьется признания, что имя имеет одно значение, а от сходства по форме выражения — что речь идет только о чем-то определенном, и в остальных случаях точно так же, — то не будет ни опровержения, ни умозаключения — ни вообще, ни против отвечающего. Если же они добились согласия последнего, то против него, правда, они будут опровержениями или умозаключениями, но не вообще, ибо они добились признания не того, что [на деле] имеет одно значение, а того, что [лишь] кажется имеющим одно значение) притом признания [только] со стороны определенного лица.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

*[Опровержения, опирающиеся
на содержание отдельных наук,
не относятся к искусству спора]*

Без знания каждой [относящейся к делу] вещи не следует пытаться выяснять, сколькими способами опровергают те, кто строит опровержение. Но это не относится ни к одному искусству, ибо знания, пожалуй, беспредельны, а потому ясно, что и доказательств — бесчисленное множество. Имеются и правильные опровержения. Ибо сколько бы ни было доказательств, можно опровергать того, кто утверждает противоречащее истине. Например, если кто-то утверждал, что диагональ соизмерима [со стороной квадрата], то можно его опровергнуть, доказывая, что она несоизмерима. Так что во всем надо быть сведущим. Ведь одни опровержения будут основаны на началах геометрии и на выводах из них, другие — на началах врачебного искусства, третьи — на началах других наук. Однако и область ложных опровержений беспредельна. Ибо в каждом искусстве есть свои ложные умозаключения, например в геометрии — геометрические, во врачебном искусстве — врачебные. Под умозаключением в каком-либо искусстве я разумею такое, которое исходит из начал этого искусства. Ясно поэтому, что следует брать топы не для всех опровержений, а только для тех, что основываются на диалектике, ибо они общи всякому искусству и всякой способности. Рассматривать опровержение в какой-нибудь отрасли знания — кажется ли только, что оно опровержение, не будучи им, и если оно действительно опровержение, то почему оно таково, — это дело сведущего [в данной отрасли знания]. Рассматривать же опровержение исходя из общих [топов], не относящихся к какому-либо отдельному искусству, — это дело диалектиков. Ведь если мы знаем, на основании чего выводятся правдоподобные умозаключения о чем бы то ни было, то мы знаем также, на основании чего строятся [правдоподобные] опровержения. Ведь опровержение — это умозаключение к противоречию, так что одно или два умозаключения к противоречию есть опровержение. Таким образом, мы знаем, на скольких [топах] основываются такого рода опровержения. А если мы это

знаем, то мы знаем и способ их раскрытия. Ибо возражения против них и есть их раскрытие. Мы знаем также, на основании скольких [топов] возникают мнимые опровержения — мнимые не для любого [отвечающего], а именно для искусных в диалектике. Ибо число [топов] неопределенно, если иметь в виду, на основании скольких первому встречному кажется, [что имеется опровержение]. Таким образом, очевидно, что быть в состоянии охватить, сколькими [топами] на основании общих всем [начал] получаются действительное или мнимое опровержение, диалектическое или мнимо диалектическое, или испытующее опровержение, — это дело диалектика.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

*[Неправомерное деление паралогизмов
на касающиеся слова и на касающиеся смысла]*

Нет различия между доводами, о котором говорят иные, будто одни из них касаются слова, а другие — смысла. Ведь нелепо полагать, будто доводы, касающиеся слова, и доводы, касающиеся смысла, разные, а не одни и те же. Ведь что значит «не касается смысла», как не то, что употребляют слово не в том значении, с каким спрошенный согласился и в каком, как он полагает, его спросили. Это и значит касаться слова. А касаться смысла — значит употреблять слово в том значении, какое имел в виду [отвечающий], когда дал свое согласие. Если же в том случае, когда слово имеет много значений, вопрошающий и спрошенный полагают, что оно имеет одно значение (например, сущее и единое имеют, несомненно, много значений, но отвечающий [отвечает], и вопрошающий, <а именно **Зенон**>), спрашивает, полагая, что они имеют лишь одно значение, и приводится довод, что все едино), то разве это рассуждение будет вестись относительно слова, а не относительно смысла, который спрошенный [вкладывает в слово]? Если же кто-то [из них] полагает, что слово имеет много значений, то ясно, что довод не касается смысла. Ибо «касательно слова» и «касательно смысла» относятся, во-первых, к доводам, в которых слово имеет больше одного значения; во-вторых, к любому доводу. Ибо «касательно смысла» зависит не от довода, а от того, как отвечающий понимает то, с чем он согласился. В-третьих, все доводы могут касаться слова. Ведь «касаться слова» означает здесь «не касаться смысла». Ведь если не все [доводы касаются слова и смысла], то должны быть некие иные, которые не касались бы ни слова, ни смысла. Те, однако, утверждают, что все [доводы относятся к тому или другому виду], и разъясняют, что все доводы касаются или слова, или смысла, других же нет. Однако [лишь] некоторые из умозаключений от многозначности [имен] зависят от слова. Ведь нелепо утверждать, как было сказано, будто все [доводы] от оборотов речи касаются [лишь] слова. Имеются же некоторые паралогизмы, получающиеся не оттого, что отвечающий таким-то определенным образом мыслит о них, а оттого, что в самом доводе есть такой вопрос, который содержит многозначное слово.

А вообще нелепо рассуждать об опровержении раньше, чем об умозаключении. Ведь опровержение есть умозаключение, поэтому необходимо говорить об умозаключении раньше, чем о ложном опровержении, ведь такое опровержение есть мнимое умозаключение к противоречию. Поэтому причина [ложности] кроется или в умозаключении, или в противоречии (ведь противоречие должно быть **присовокуплено**), а иногда и в том и в другом, если опровержение мнимое. В [софизме] «*sigonta legein*» («молчащий говорит») [ложность кроется] в противоречии, а не в умозаключении, а в [софизме] «можно давать то, чего не имеют» — в том и в другом, в [софизме] же «стихотворное сочинение Гомера — фигура, потому что оно составляет круг (*kykios*)» — в умозаключении. Довод же, в котором нет ложности ни в том, ни в другом, есть правильное умозаключение.

А чтобы вернуться к тому, от чего речь [отклонилась], [можно было бы спросить], касаются ли математические доводы смысла или нет? И если кому-то кажется, что «треугольник» означает многое, и он согласился, что треугольник имеет углы, равные [в совокупности] двум прямым, не как фигура, относительно которой это заключают, то рассуждал ли [вопрошающий], касаясь смысла, [который отвечающий вложил в слово «треугольник»], или нет?

Далее, если слово имеет, правда, много значений, но [отвечающий] их не замечает и не предполагает, то разве [вопрошающий] не рассуждал касательно смысла? Или как еще должно спрашивать, если не так, чтобы того, кто согласился с различием, могли затем спросить, [например], «возможно ли или нет, чтобы молчащий говорил, или в каком-то смысле нет, а в каком-то да?» Если [отвечающий] отверг эту возможность в любом смысле, а вопрошающий рассуждал, [доказывая, что это возможно], то разве он не рассуждал касательно смысла? И однако же, считают, что довод относится к тому, что основано на имени. Таким образом, нет какого-то отдельного рода доводов, которые касались бы [только] смысла, но некоторые доводы касаются [лишь] имени, причем таковы не все мнимые опровержения, не говоря уже о [правильных] опровержениях. Ведь имеются мнимые опровержения не от оборотов речи, например от приводящего и [некоторые] другие.

Если же требуют, чтобы проводили различие и сказали: «Под *sigonta legein* я понимаю то одно, то другое», то это, во-первых, нелепое требование (ибо иногда вопрос не кажется содержащим многозначность, и невозможно различать то, о чем не полагают, что оно многозначно); во-вторых, что же это такое, если не наставление. Ведь в таком случае [вопрошающий] должен объяснить положение вещей [отвечающему], который не рассматривал, не знает и не предполагает, что [вопрос] имеет еще другой смысл. Да, впрочем, что же мешает проводить различие в тех случаях, где нет двойного смысла? [Например], «равны ли двойкам единицы в четверке? [Да]. Но двойки содержатся [в четверке] то так, то иначе». Или: «Наука о противоположностях одна или нет? [Одна]. Но известное и неизвестное — противоположности». Так что тот, кто выдвигает такое требование, не знает, по-видимому, что наставлять — это одно, а рассуждать — другое и что тот, кто наставляет, должен не ставить вопросы, а сам объяснять, между тем как тот, кто рассуждает, — ставить вопросы.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

[*Диалектика, испытывание, эристика и софистика*]

Требовать [от отвечающего] утверждения или отрицания — это дело не доказывающего, а испытующего. Ибо искусство испытывания есть некоторого рода диалектика и обращено не к тому, кто знает, а к тому, кто не знает, но выдает себя за знающего. Поэтому тот, кто на самом деле исследует общие [всем начала], есть диалектик, а тот, кто делает это лишь по видимости, — софист. Эристическое и софистическое умозаключение — это, во-первых, мнимое умозаключение относительно того, чем занимается диалектика как искусство испытывания, даже если заключение истинно, ибо оно обманчиво в отношении причины. Это, во-вторых, такие паралогизмы, которые, не соответствуя способу исследования данного [предмета], кажутся построенными по правилам [соответствующего] искусства. Ведь неправильные геометрические чертежи не эристические (ибо проистекающие из них паралогизмы касаются предмета [геометрического] искусства). И то же самое в случае, если это неправильный чертеж, касающийся чего-то истинного, например [чертеж] Гиппократова, т.е. построение квадрата при помощи луночек. Способ же, каким Брисон превращал круг в квадрат, если даже круг был бы превращен в квадрат, есть софистический способ, потому что он не соответствует предмету [геометрического искусства]. Так что эристический довод — это, во-первых, мнимое умозаключение о такого рода вещах и, во-вторых, умозаключение, лишь по видимости соответствующее предмету [данного искусства], хотя бы оно и было [правильно построенным] умозаключением. Ибо оно лишь по видимости соответствует предмету [данного искусства], а потому оно ложный и нечестный довод. Ибо так же как в состязании борцов нечестность приобретает определенный вид и есть борьба нечестными средствами, так и эристика в споре есть борьба нечестными средствами. Ибо как там, намереваясь победить во что бы то ни стало, хватаются за любые средства, так и здесь поступают те, кто склонен к препирательствам. Поэтому те, кто так поступает [только] ради победы, считаются людьми, склонными к препирательствам и любящими спорить, а те, кто так поступает ради славы в погоне за наживой, — софисты. Ибо софистика, как мы уже сказали, есть искусство наживы с помощью мнимой мудрости, а потому софисты стремятся к мнимым доказательствам. И любящие спорить, и софисты применяют одни и те же доводы, но не с одной и той же целью. И один и тот же довод будет софистическим и эристическим, но не для одного и того же: эристический — ради мнимой победы, софистический — ради мнимой мудрости. И в самом деле, софистика есть мнимая, а не действительная мудрость. Эристик относится к диалектику в некотором смысле так, как делающий неправильные чертежи — к геометру. В самом деле, он ложно умозаключает, исходя из тех же [начал], что и диалектик, а делающий неправильные чертежи — [из тех же начал], что и геометр. Но делающий неправильные чертежи не занимается эристикой, потому что он делает неправильные чертежи, исходя из начал и заключений, относящихся к искусству [геометрии], между тем как эристик, хотя и исходит из начал, относящихся к диалектике, однако в остальном он явно эристик. Так, например, построение квадрата при помощи луночек не есть эристическое построение, но способ Брисона эристический. Первое применимо только в геометрии, так как исходит из ее собственных начал, а второе рассчитано на толпу, которая не знает, что в каждом случае возможно и что невозможно, ибо для нее [доказательство Брисона] подходит. Или же [эристический способ], каким Антифонт превращал круг в квадрат, или, если кто отрицал бы на основе довода Зенона [против движения], что совершать прогулку лучше после обеда, то это был бы не врачебный довод, ибо он исходит из общих [оснований]. Если же эристик относился бы к диалектику во всех отношениях так же, как делающий неправильные чертежи к геометру, то касательно них не было бы эристического [довода]. Но диалектик не занимается определенной областью, ничего не доказывает и не таков, каков тот, кто занимается общим. Ведь не все, принадлежит к одной определенной области, а если бы принадлежало, то вещи не могли бы подпадать под одни и те же начала. Поэтому ни одно искусство, доказывающее природу чего-то, не есть искусство ставить вопросы. Ведь нельзя

согласиться с любым из обоих членов [противоречия], ибо умозаключение получается не из обоих. Диалектика же есть искусство ставить наводящие вопросы. Если бы она доказывала, то она не ставила бы вопросов, если не относительно всего, то по крайней мере относительно **первоначал** и начал, свойственных [каждой области]. Ведь если [собеседник] не признает их, то диалектика уже не будет обладать тем, на основе чего можно было бы рассуждать против его возражения. Но диалектика есть и искусство испытывания. Конечно, искусство испытывания не такое искусство, как геометрия, им может владеть и незнающий. Ведь и тот, кто не знает предмета, в состоянии подвергнуть испытанию [другого] незнающего, если только последний соглашается [на (С.557). это], не исходя из того, что он знает, или из присущего лишь [данному предмету], а исходя из следствий, которые таковы, что тот, кто их знает, вполне может не знать [данное] искусство, но, кто *их* не знает, тот уж обязательно не знает этого искусства. Так что очевидно, что искусство испытывания не есть знание о чем-либо определенном. Поэтому оно занимается всем, ибо все искусства пользуются некоторыми общими [началами]. Поэтому все, даже несведущие, некоторым образом пользуются диалектикой и искусством испытывания. Ведь все берутся до какой-то степени судить о тех, кто выдает себя за знатока. А для этого они используют общие [всем искусствам начала], которые они все же знают, хотя они, видимо, отнюдь не говорят по существу дела. Вот почему все выдвигают возражения, а именно неумело пользуются тем, умелое применение чего есть диалектика, а искусный в диалектике — тот, кто подвергает испытанию при помощи искусства умозаключения. А так как этих [начал] много и касаются они всего, но они не составляют особой природы и особого рода, а подобны отрицаниям, другие же [начала] не таковы, а присущи лишь [какой-то одной области], то на основе тех можно подвергать испытанию все, и это есть некоторое искусство, однако не такое, как доказывающие искусства. Именно поэтому с искусным в эристике дело обстоит не совсем так, как с делающим неправильные чертежи, ибо искусный в эристике ложно умозаключает, исходя не из начал определенной области, а имеет дело со всякой областью.

Таковы способы софистических опровержений. Не трудно понять, что дело диалектики — исследовать их и быть в состоянии применять их. Ведь именно способы обращения с посылками и содержит все это исследование.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

[Вторая и третья цель софистов.

Принуждение к ложным и неправдоподобным утверждениям]

О мнимых опровержениях уже сказано. Что касается показа того, что [собеседник говорит] ложное, и приведения его речи к неправдоподобному (а именно это есть второе намерение софистики), то они удаются лучше всего, если, во-первых, как-то [незаметно] выведывать [у собеседника нужное] и [умело] ставить вопросы. А для достижения этого пригодны вопросы, не направленные на определенный предмет. Ведь те, кто говорит наобум, скорее ошибаются. А говорят наобум, когда не имеют перед собой ничего определенного. И когда ставят много вопросов, хотя бы то, против чего рассуждают, было чем-то определенным, и требуют [от отвечающего], чтобы он высказал свое мнение, этим создают себе удобный случай привести его к неправдоподобному или ложному, и если спрошенный отвечает на какой-нибудь из этих вопросов утвердительно или отрицательно, — заставить его утверждать то, против чего имеется много доводов. Однако в настоящее время этим можно наносить вред меньше, чем раньше. Ибо [теперь отвечающие] требуют [указать], какое отношение имеет вопрос к [положенному] вначале. Основное [средство], при помощи которого можно добиться того, чтобы [собеседник утверждал] что-то ложное или неправдоподобное, — это не спрашивать сразу относительно какого-либо тезиса, а сказать, что спрашивают лишь из желания учиться. Такое рассмотрение создает простор для нападков.

Для того чтобы показать, что [собеседник утверждает] ложное, имеется [следующий] собственно софистический топ — заставить его утверждать то, против чего имеется множество доводов. Это можно делать надлежащим или ненадлежащим образом, как было сказано раньше'.

Далее, для того чтобы [заставить собеседника] говорить не согласующееся с общепринятым, следует смотреть, какого рода [философии] придерживается он, а затем спрашивать о том, что придерживающиеся этого рода [философии] говорят противно мнению большинства. В каждой [философии] имеется нечто такое. Основное же [средство] здесь — брать тезисы каждого рода [философии] в виде посылок. Подобающее же раскрытие их достигается доказательством того, что неправдоподобное вытекает не из довода. А именно этого как раз всегда желает спорящий.

Далее, следует [приводить доводы] из [скрытых] желаний и открыто высказываемых мнений. Ведь не одно и то же желают и говорят, а говорят самые прекрасные слова, желают же лишь то, что представляется выгодным; например, говорят, что лучше с честью умереть, чем жить в удовольствиях, или что жить в нужде и бедности, но честно лучше, чем жить в богатстве, но не благопристойно, а желают как раз

обратного. Поэтому следует того, кто говорит сообразно со своими желаниями, заставлять высказывать открытые мнения, а того, кто говорит в согласии с открыто высказываемыми мнениями, — сообразно с его утаенными желаниями. Ибо и в том и в другом случае он вынужден будет говорить не согласующееся с общепринятым, ведь ему придется утверждать противоположное или открытым или скрытым мнениям.

Самый распространенный топ заставить говорить не согласующееся с общепринятым, какой применяет **Калликл** в сочинении «**Горгий**» и который все древние считали удачным, — это сопоставлять то, что согласно природе, с установленным, ибо, говорят, природа и установление противоположны друг другу, и справедливость, [например], хороша по установлению, а согласно природе нехороша. Поэтому следует тому, кто говорит исходя из согласного с природой, возражать исходя из установленного, а того, кто говорит исходя из установленного, подводить к [достоверным], исходящим из согласного с природой. Ибо и в том и в другом случае они вынуждены будут говорить не согласующееся с общепринятым. Древние же считали, что согласное с природой истинно, а большинству людей правильным кажется установленное. Таким образом, ясно, что они, так же как те, кто теперь ведет спор, пытались или опровергнуть отвечающего, или заставить его говорить не согласующееся с общепринятым.

Некоторые вопросы таковы, что ответ на них неправдоподобен в обоих случаях, например вопрос, кого следует слушаться — мудрых или отца, или что следует делать — полезное или справедливое, или что предпочтительнее — терпеть несправедливость или причинять вред [другому]. Так вот, следует заставить собеседника утверждать то, что противно мнению большинства и мудрых. А именно, если кто-то говорит так, как то, кто занимается рассуждениями, то следует заставить его утверждать то, что противно мнению большинства, а если он говорит как большинство — то, что противно мнению мудрых. Говорят ведь последние, что счастливый обязательно справедлив, а для большинства неправдоподобно, чтобы властелин не был счастливым. Впрочем, доводить до такого рода неправдоподобного — это то же самое, что заставлять говорить противоречащее согласному с природой и установленному, ведь установленное — это мнение большинства, а мудрые говорят, исходя из согласного с природой и согласно истине.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

[Четвертая цель софистов — принуждение к пустословию]

Не согласующегося с общепринятым следует, пожалуй, добиваться исходя из этих топов. Что касается того, чтобы заставить [собеседника] пустословить, то мы уже сказали, что мы подразумеваем под пустословием. Так вот, все следующие доводы [софистов] имеют своей целью добиться этого. Если нет разницы называть ли имя или говорить речь, то "двойное" и «двойное половины» — одно и то же; если, стало быть, «двойное» есть «двойное половины», то оно будет «двойное половины половины». А если вместо «двойного» взять «двойное половины», то будет трижды сказано: «двойное половины половины». Или вопрос: имеется ли влечение к удовольствию? Но влечение есть стремление к удовольствию; значит, влечение есть стремление к удовольствию к удовольствию.

Все такие доводы касаются соотнесенного, когда не только роды [вещей], но и сами [вещи] указываются как соотнесенное и относятся к одному и тому же. Например, стремление есть стремление к чему-то, влечение — влечение к чему-то, а двойное есть двойное чего-то, а именно двойное половины. Такого рода доводы касаются и [вещей], которые вовсе не соотнесены между собой, но в определении которых дополнительно указывается то, состояния, свойства и т.п. чего они есть, — то, что сказывается о них; например, нечетное есть число, имеющее середину. Но есть число нечетное, значит, оно есть число, имеющее середину. И если курносое есть вогнутость носа, а имеется курносый нос, то, значит, он есть нос нос вогнутый.

Иногда [только] кажется, что эти софизмы заставляют [собеседника пустословить], хотя в **действительности** они этого не делают, потому что еще не спрашивают: двойное, взятое само по себе, означает ли оно то же самое, [что присовокупляет вопрошающий], или другое? Вывод же высказывают сразу. Но ввиду того что имя — то же, кажется, что оно и означает одно и то же.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

[Пятая цель софистов — принуждение к погрешностям в речи]

Какие могут быть погрешности в речи — об этом сказано раньше. [Возможны три случая]: или действительно делают ошибку в речи, или только кажется, что делают ошибку, хотя и не делают, или делают ошибку, но кажется, что не делают, как, например, Протагор говорил, что **menis** (злоба) и **pelex** (каска) — мужского рода. Кто **menis** называет **oylomenen** (пагубной), тот, по Протагору, ошибается, хотя остальным это не кажется так, а кто называет ее **oylomenon** (пагубным), тот, видимо, допускает ошибку, хотя, [по Протагору], он ошибки не делает. Таким образом, ясно, что можно этого добиться даже некоторым искусством. Поэтому многие доводы, не делающие заключения о погрешности в речи, кажутся

делающими такое заключение, так же как это бывает при опровержениях.

Почти все мнимые погрешности в речи возникают из-за **«tode»** («вот это»), а именно когда окончание слова указывает не на мужской и не на женский род, а на средний. «Этот» означает мужской род, «эта» — женский род, а «это» хотя обычно и означает средний род, но часто указывает и на мужской, и на женский род; например, [спрашивают], кто [или что] это. Каллиопа, дерево, Кориск. У имен мужского и женского рода все падежи разные, а у имен среднего рода — одни разные, другие нет. Часто, когда дано «это», заключают так, как будто было сказано «этот». И точно так же в других случаях принимают один падеж за другой. Паралогизм же возникает из-за того, что **toyto** («это») обще многим падежам. В самом деле, **toyto** («это») означает то **houyos** («этот»), то **toyton** («этот» или «этого»). А должно оно означать попеременно то **houyos** («этот») вместе с [глаголом] **esti** («есть»), то **toyton** («этого») вместе с [глаголом] **einai** («быть»), например **esti Koriskos**, **einai Koriskon**. И точно так же с именами женского рода, а также с наименованиями, которые хотя и обозначают утварь, но имеют падежные окончания женского или мужского рода. Ибо слова, оканчивающиеся на **o** и **p**, суть лишь среднего рода, например **xylon** (дерево), **schoinion** (веревка), а те, что оканчиваются не так, суть мужского и женского рода, иные из которых относятся к утвари, например **askos** (кожаный мешок) — слово мужского рода, а **kline** (ложе) — женского рода. Поэтому и у них [глаголы] **esti** и **einai** создадут различие. Между прочим, погрешность в речи некоторым образом сходна с опровержениями, основывающимися на том, что несходное указывают как сходное. Так же как в опровержениях это происходит в отношении предметов, так и при погрешностях в речи — в отношении имен. Ведь «человек», [например], и «бледное» — это и предмет и имя.

Таким образом, очевидно, что к погрешности в речи следует пытаться заключать исходя из указанных падежных окончаний.

Итак, таковы перечисленные виды, разновидности и способы приведения доводов ради спора. И так же как в диалектических [рассуждениях], здесь немаловажно для сокрытия [своей цели] как-то упорядочить все связанное с постановкой вопросов. Вот почему следует сразу после сказанного говорить прежде всего об этом.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

[Способы, какими следует избегать

софистических установок вопрошающему и отвечающему]

Итак, первое [средство] для опровержения — это пространность [речи], ведь трудно одновременно обозреть многое. Для достижения такой пространности [речи] следует пользоваться указанными выше основными [топами]. Второе — быстрота [речи]. Ибо тот, кто не успевает, менее предусмотрителен. Третье — возбуждение гнева и **подзадоривание**, ибо те, кто приведен в замешательство, менее способны защищаться. Основные [средства] возбудить гнев [у отвечающего] — делать так, чтобы ему стало ясно, что хотят поступать [с ним] несправедливо и совершенно беззащитно. Четвертое — ставить вопросы попеременно, когда имеют много доводов или против одного и того же, или за и против. В таком случае [отвечающему] приходится в одно и то же время держаться начеку или в отношении многих [доводов], или в отношении противоположных друг другу [доводов]. И вообще все названные раньше [топы] относительно искусства скрывать [свою основную мысль] полезны и для доводов, приводимых ради спора. Ибо искусство скрывать [свою основную мысль] применяется ради того, чтобы остаться неуличенным, а оставаться неуличенным хотят ради того, чтобы вводить в заблуждение.

Тем, кто отвергает все, что, по их мнению, подкрепляет довод [собеседника], следует ставить вопросы через отрицание, как будто хотят обратное, или же ставить вопросы, требующие одинаково утвердительного и отрицательного ответа. Ведь если неясно, чего [вопрошающий] хочет достигнуть, то [отвечающий] меньше досадует. Если, когда речь идет о частном, [отвечающий] соглашается с отдельными случаями, то вопрошающий, **умозаключая** путем наведения, часто должен не ставить вопрос об общем, а использовать его так, как если бы оно было уже признано. Ибо иногда и сами [отвечающие] полагают, что они согласились с этим, равно как и слушателям это кажется так ввиду упоминания о наведении, полагая, что вопросы [относительно отдельных случаев] были поставлены не зря. В тех случаях, когда общее не обозначено [особым] именем, следует для своей цели использовать сходство. Ведь сходство часто остается незамеченным. А для того чтобы добиться согласия с посылкой, необходимо расспрашивать, сопоставляя ее с противоположным ей. Например, если добиваются согласия с тем, что слушаться отца следует во всем, то надо спросить, следует ли во всем слушаться родителей или ни в чем их не слушаться. Или если [добиваются согласия с тем, что родителей надо слушаться] часто во многом, то надо спросить, следует ли им уступать во многом или в немногом. Если только необходимо [повиноваться родителям], то кажется, что уступать им следует скорее во многом, [чем в немногом], ибо, когда противоположности ставят рядом друг с другом, они кажутся людям меньшими и большими, худшими и

лучшими.

Весьма охотно и часто вопрошающий создает видимость, что [собеседник] опровергнут, применяя в высшей степени нечестный софистический прием: не делая никакого умозаключения, он в конце не ставит вопроса, а утверждает в виде заключения, как будто строил силлогизм, что, стало быть, с тем-то и тем-то дело так не обстоит.

Еще один софистический [прием] при утверждении не согласующегося с общепринятым — требовать, чтобы, когда предположенное вначале кажется правильным, [отвечающий] высказал свое мнение об этом, и вопрос о таких [положениях] ставить так: «полагаешь ли ты...» Ведь если вопрос касается здесь посылки умозаключения, то необходимо, чтобы или получилось опровержение, или было высказано мнение, не согласующееся с общепринятым: опровержение, если [собеседник] соглашается, неправдоподобное — если он и не согласен, и не говорит, что ему это кажется правильным, и нечто подобное опровержению — если он с этим не соглашается, но признает, что это общепринято. Далее, так же как в [рассуждениях] тех, кто искусен в красноречии, так и в опровергающих [рассуждениях] следует одинаково обращать внимание на положения [собеседника], находящиеся в противоречии или с [другими] его высказываниями, или с высказываниями тех, чьи слова и поступки он признает надлежащими, а также тех, которые кажутся такими или подобны им, или с высказываниями большинства или всех людей. И так же как отвечающие, когда их опровергают, часто объявляют двусмысленным то, на основе чего их собираются опровергать, так и вопрошающие должны иногда использовать это [средство] против тех, кто им возражает, чтобы, если так-то бывает, а так-то нет, сказать, что они поняли это в последнем смысле, как это делает **Клеофонт** в «**Мандробуле**». Следует также, отклоняясь от довода, пресекать дальнейшие нападки [собеседника], а отвечающий, чувствуя заранее [возражения противника], должен [их] упреждать словесными доводами. Следует иногда приводить доводы не против сказанного, а против иного, принимая сказанное, если не имеют доводов против положенного [собеседником]. Именно это сделал **Ликофрон**, когда ему было предложено прославлять лиру. Что касается тех, кто требует умозаключения к чему-то определенному, то против них (поскольку полагают, что надо указать причину, [почему уклоняются от сказанного вначале], а избежать общих [утверждений] легче в опровержениях) следует говорить лишь противоречащее — отрицать то, что [отвечающий] утверждал, и утверждать то, что тот отрицал, но не следует говорить, [например], что наука о противоположностях одна и та же или не одна и та же; не следует, наконец, спрашивать о заключении в форме положения, а кое о чем [вообще] не следует спрашивать, а следует обращаться с ним так, как будто оно нечто признанное.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

[Польза от раскрытия софистических опровержений]

Итак, сказано, на основании каких [топов] следует задавать вопросы и как их ставить в препирательских беседах. После этого следует сказать об ответах, о том, как и что надо раскрывать и чем полезны такого рода рассуждения.

Так вот, полезны они для философии по двум причинам: во-первых, поскольку они получаются большей частью на основании словесных выражений, благодаря им можно лучше различать, в скольких значениях говорится о чем бы то ни было и какие сходства и отличия бывают у вещей и их имен. Во-вторых, они полезны для самостоятельного исследования. Ведь тот, кого другие легко вводят в заблуждение, но этого не замечает, может часто испытывать это от самого себя. В-третьих, наконец, они полезны еще для славы — [благодаря их умелому применению] считаются искусными и опытными во всем. Ведь если кто-то участвует в рассуждениях и порицает доводы, не будучи в состоянии указать, в чем их слабость, то это вызывает подозрение в том, что он придирчив не ради [нахождения] истины, а из неопытности.

А как отвечающие должны выступать против такого рода доводов, — это очевидно, если только мы правильно указали раньше то, на основании каких [топов] строятся паралогизмы, и в достаточной мере разобрали, какие ловушки ставит в вопросах [собеседник]. Однако, внимая доводам [других], усматривать и вскрывать их негодность — это не то же самое что уметь быстро нападать на того, кого спрашивают. То, что мы знаем, часто в измененном виде становится нам неизвестным. Далее, так же как в других областях большая быстрота и большая медленность зависят скорее от опыта, приобретенного упражнениями, точно так же и в рассуждениях; так что если нам что-то ясно, но нам не хватает опыта, мы часто упускаем удобные случаи. Это происходит почти так же, как с геометрическими фигурами, а именно: после того как мы расчленили эти фигуры, мы порой не в состоянии сложить их опять. И так же в [софистических] опровержениях: зная, на чем основывается связность довода, мы затрудняемся разобрать его.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

[Раскрытие софистических опровержений]

Итак, во-первых, так же как иногда — говорим мы — следует предпочитать правдоподобное умозаключение истинному, так и правдоподобное раскрытие [софистического опровержения] следует иногда предпочитать истинному. И вообще против занимающихся эристикой следует бороться не как с людьми, которые действительно опровергают, а как с такими, которые опровергают лишь по видимости. Ведь мы во всяком случае отрицаем, что они [правильно] умозаключают; поэтому следует принимать надлежащие меры для того, чтобы не было этой видимости. В самом деле, если [истинное] опровержение есть не основанное на одноименности противоречие, исходящее из определенных [посылок], то нет никакой надобности разбирать его в отношении двусмысленности и одноименности. Ибо [тот, кто их использует], не строит умозаключения. Ведь единственное, ради чего еще необходим такой разбор, — это [показать], что умозаключение кажется имеющим подобие опровержения. Стало быть, следует быть настороже не в отношении [действительного] опровержения, а в отношении мнимого опровержения, так как двусмысленные вопросы и основанные на одноименности и все другие такого рода сбивающие с толку [приемы] сводят на нет истинное опровержение и делают неясным, кто опровергнут, а кто не опровергнут. А именно, так как после того, как заключение сделано, [отвечающий] может в конце сказать, что [вопрошающий] отрицал вовсе не то, что он утверждал, а ставил вопросы двусмысленно, хотя бы оба имели в виду одно и то же, то не ясно, опровергнут ли он. Ибо не ясно, говорит ли он теперь правду. Если бы при постановке вопроса разобрали одноименное или двусмысленное, то было бы совершенно ясно, что имело место [софистическое] опровержение. И получилось бы то, чего эристики раньше добивались больше, а теперь меньше, — чтобы спрошенный отвечал «да» или «нет». Теперь же ввиду того, что те, кто расспрашивает, ставят вопросы не надлежащим образом, спрошенный необходимо должен что-то добавить в своем ответе, устраняя негодность посылки, так как если [вопрошающий] подобающим образом разобрал [все значения], то отвечающему необходимо сказать лишь «да» или «нет».

Если бы считали [довод], основанный на одноименности, опровержением, то отвечающий вряд ли избежал бы возможности быть каким-то образом опровергнутым. Ведь когда речь идет о видимых [вещах], он должен то отрицать имя, которое он называл, то назвать имя, которое он отрицал. Меры же предосторожности, предпринимаемые некоторыми, ни к чему не приводят. А именно, они не говорят: Кориск образован и необразован, а говорят: *этот* Кориск образован и *этот* Кориск необразован. На самом же деле смысл будет одним и тем же, говорят ли: Кориск необразован (или образован) — или: этот Кориск необразован (или образован). [Отвечающий] как раз утверждает и отрицает это в одно и то же время. Но, быть может, [Кориск и этот Кориск] не означают одно и то же, ведь и имя [Кориск] не означало одно и то же? Так в чем же разница? Если же об одном просто говорят «Кориск», а к другому прибавляют «какой-то» или «этот», то это нелепо, ибо это прибавление можно отнести к одному ничуть не в большей мере, чем к другому, и нет никакой разницы, к кому из них прибавляют «этот».

Так как, однако, не ясно, опровергнут ли тот, кто не выявил двусмысленности, или не опровергнут (а в рассуждениях такой разбор допустим), то очевидно, что тот, кто не выявил [двусмысленности], а просто соглашается с посылкой, ошибается. Так что хотя бы сам [отвечающий] и не был опровергнут, во всяком случае похоже на то, что его довод опровергнут. Однако часто бывает, что тот, кто видит двусмысленность, медлит с ее разбором из-за сметливости тех, кто выдвигает такие [двусмысленные] посылки, — медлит, чтобы не казаться придиричивым ко всему. Далее, когда не подозревают, что довод основывается на двусмысленности, часто сталкиваются с мнением, не согласующимся с общепринятым. Так что поскольку разбор [двусмысленности] допустим, не следует медлить с этим, как было сказано раньше.

Если же [вопрошающий] не делает из двух вопросов один, то не получится паралогизма на основании одноименности и двусмысленности, а получится или [истинное] опровержение, или не получится никакого опровержения. Ведь какая разница между вопросом, образованны ли Каллий и Фемистокл, и тем же вопросом, когда оба, будучи разными, имеют одно имя? Ведь если [имя] выражает больше чем одно, то [ясно], что задали не один вопрос, а больше. Поэтому если неправильно требовать одного прямого ответа на два вопроса, то очевидно, что не подобает давать прямой ответ на какой-либо двусмысленный вопрос, даже в том случае, если [ответ] правилен (как это требуют некоторые) для всех [значений]. Ведь это то же самое, как если бы спросили, дома ли Кориск и Каллий или нет — все равно, находятся ли оба дома или не находятся. Ведь и в том и в другом случае имеется больше чем одна посылка. В самом деле, если ответ и правилен, то по этой причине вопрос не станет одним, ведь можно и на тысячу разных вопросов правильно ответить просто [одним] «да» или «нет». Но все же не следует давать на них один ответ. Ведь этим сводят на нет всякое обсуждение. Это похоже на то, как если бы разные [вещи] называли одним и тем же именем. Поэтому, раз не следует давать один ответ на два вопроса, то очевидно, что и при одноименности не надо говорить «да» или «нет». Ведь тот, кто так сказал, не

ответил, а что-то высказал. Однако в некотором смысле этого добиваются в рассуждениях, потому что остается незамеченным то, что отсюда вытекает.

Итак, как мы уже сказали, так как некоторые опровержения, не будучи ими, кажутся таковыми, то таким же образом имеются раскрытия, которые, не будучи ими на деле, кажутся таковыми. О них-то мы и утверждаем, что в отношении доводов, приводимых ради спора, и при возражении против имеющего двойкий смысл следует иногда делать такие [мнимые раскрытия] скорее, чем действительные. А на вопросы, кажущиеся истинными, следует отвечать, говоря: «допустим», ибо в этом случае меньше всего получится ложное опровержение. Если же [отвечающий] вынужден говорить нечто не согласующееся с общепринятым, то лучше всего ему присовокупить: «кажется». Ибо в этом случае будет казаться, что не получается ни опровержение, ни нечто не согласующееся с общепринятым. А так как ясно, каким образом получается **постулирование** [положенного] вначале, и так как полагают, что [утверждения], близкие [к выводу собеседника], следует непременно оспорить и что с некоторыми из них не следует соглашаться, поскольку [собеседник] постулирует [положенное] вначале, то, когда [вопрошающий] утверждает нечто такое, что, правда, необходимо вытекает из тезиса, но ложно или неправдоподобно, следует сказать, что это то же, [что содержится в тезисе]. Ведь то, что необходимо вытекает из тезиса, есть, надо полагать, часть его. Далее, когда общее не охвачено [определенным] именем, а указано через сравнение, [отвечающий] должен сказать, что оно взято не в том смысле, с каким он согласился, и не в том, в каком оно было выдвинуто. Ведь часто опровержение получается именно на основе этого.

А кто лишен возможности пользоваться этими [топами], должен применить нечто другое — заявить, что доказательство велось не надлежащим образом, выступая против [собеседника], сообразуясь с указанным определением [умозаключения и опровержения].

Когда имена употребляются в собственном смысле, необходимо или давать прямой ответ, или отвечать, проводя различие. А что касается того, что мы предположили как нечто подразумеваемое, например того, о чем спрашивают не отчетливо, а куце, то на основании его получается опровержение. Например, «есть ли то, что принадлежит Афинам, имущество Афин? Да (и точно так же в других случаях). Но ведь человек принадлежит к живым существам? Да. Значит, человек — имущество живых существ». Мы же говорим, что человек принадлежит к живым существам потому, что он есть живое существо, и **Лисандр** принадлежит к спартамцам, потому что он есть спартанец. Таким образом, ясно, что там, где посылка выражена неотчетливо, нельзя соглашаться прямо.

Когда относительно двух вещей полагают, что если существует одна из них, необходимо существует и другая, но если существует эта другая, не необходимо, чтобы существовала первая, тогда тот, кого спрашивают, какая из них [существует], должен признать меньшее, ибо труднее умозаключать из большего числа [посылок]. Если же доказывают [положение] тем, что одному из двух что-то противоположно, другому нет, то, если довод правильный, следует сказать, что и другому что-то противоположно, но имя ему не установлено.

Так как из мнений большинства одни таковы, что если [отвечающий] их не признает, то утверждают, что он ошибается, а другие не таковы, например спорные мнения (в самом деле, тленна или бессмертна душа живых существ, — это для большинства вопрос нерешенный), когда, стало быть, не известно, какой ответ обычно дают на поставленный вопрос — как изречения ли (изречениями называются и правильные мнения, и общие высказывания) или как [такие положения] вроде: диагональ несоизмерима [со стороной квадрата], об истинности чего мнения расходятся, — то [во всех таких случаях] лучше всего говорить иносказательно, ведь когда не известно, на какой стороне истина, не возникает подозрения в том, что сочиняют софизмы, а когда мнения [о чем-то] расходятся, не подозревают, что говорят неправду. Ибо иносказательность делает речь не поддающейся опровержению.

Наконец, когда [отвечающий] предвидит вопросы, ему следует упреждать [возражения собеседника] словесными доводами. Ибо так можно лучше всего помешать **выведыванию**.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

[Правильное раскрытие софистических опровержений]

А так как правильное раскрытие есть выявление ложных умозаключений — из какого вопроса вытекает ложное, — а о ложном умозаключении говорится в двойном смысле (а именно, или в том случае, если умозаключают ложное, или в том случае, если кажется, что есть умозаключение, хотя [на деле] умозаключения нет), то только что указанное раскрытие и раскрытие мнимого умозаключения есть исправление, обнаруживающее, из-за какого вопроса создалась видимость умозаключения. Отсюда следует, что доводы, приводимые при помощи умозаключений, раскрываются их **опроверганием**, а мнимые доводы — различием. А так как в свою очередь одни доводы, приводимые при помощи умозаключений, имеют правильное заключение, а другие — ложное, то доводы, ложные по своему

заклучению, можно раскрывать двояко, а именно опровергая одну из посылок или доказывая, что заключение неверно. Доводы же, ложные по своим посылкам, можно раскрыть, только опровергая одну из этих посылок, ведь заключение — правильное. Поэтому, когда хотят раскрыть [софистический] довод, следует прежде всего посмотреть, приведен ли он при помощи умозаключения или без него, затем, правильно ли заключение или ложно, чтобы раскрывать или проводя различие, или опровергая [посылку], притом опровергая одним или другим из указанных способов. Однако одно дело, когда довод раскрывает спрошенный, и совсем другое дело — неспрошенный. Ведь предугадать [вопросы] трудно, а обдумать на досуге легче.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

*[Раскрытие уловок,
основанных на неправильном употреблении оборотов речи.
Одноименность и двусмысленность]*

Итак, из [софистических] опровержений от одноименности и двусмысленности у одних какая-то из посылок имеет больше одного значения, а у других заключение многозначно; например в [софизме] *sigonta legein* заключение имеет двоякий смысл, в [софизме] «тот, кто знает, не со-знает» одна из посылок содержит двусмысленность. А имеющее двоякий смысл иногда истинно, иногда неистинно — оно означает то сущее, то не-сущее.

Когда многозначность содержится в заключении, опровержения не получается, если не присовокупить еще противоречие, например в [софизме] «видение слепого», ибо без противоречия здесь не было опровержения. Когда многозначность содержится в посылках, [отвечающему] нет необходимости заранее отрицать двоякий смысл. Ведь довод не имеет своей целью этот двоякий смысл, а основывается на нем. Поэтому следует с самого начала отвечать на двусмысленность имени или речи утверждением, что «в одном смысле это так, в другом нет», как, например, *sigonta legein* — что в одном смысле это возможно, в другом нет или *ta deonta* (должное) — что одно из должного следует исполнять, а другое нет, ибо «должное» многозначно. Если же двусмысленность осталась [вначале] незамеченной, следует это исправить, делая в конце добавление к вопросу; [например, на вопрос], может ли *sigonta legein* (молчащий говорить), [следует ответить]: нет, но [можно говорить] *tonde sigonta* (об этом молчащем). И точно так же следует поступать, когда двусмысленность содержится в посылках. [Например]: итак, то, что знают, не со-знают? Да, но не те, кто знает таким-то образом. Ведь не одно и то же не сознавать и не знать таким-то образом. И вообще, даже если [вопрошающий] прямо строит умозаключение, следует противиться ему, утверждая, что сказанное им отрицало не суть дела, а имя, так что опровержения нет.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

*[Раскрытие софистических опровержений,
основанных на неправильном соединении
или разъединении слов]*

Очевидно также, каким именно образом следует раскрывать [софистические] опровержения от разъединения и соединения [слов]. Если речь в разъединенном и соединенном виде имеет разный смысл, то следует говорить противоположное заключению [софиста]. А все доводы от соединения или разъединения таковы: тем ли человек был избит, чем избитым его видишь? Или: тем ли ты его видел, чем он был избит? Подобные [доводы] имеют что-то от вопросов, содержащих двусмысленность, но они основаны на [неправильном] соединении. Ибо основанное на разъединении не содержит двоякого смысла, так как при разъединении получается не одна и та же речь, если только, [например], *oros* и *oros* своим произношением не означают разное. Но в письменном виде они одно и то же имя, поскольку они состоят из одних и тех же: букв и написаны одинаковым образом, хотя уже проставлены отличительные знаки. В устной же речи они не одно и то же. Так что основанное на разъединении не содержит двоякого смысла. Очевидно, однако, и то, что не все [софистические] опровержения основываются на двояком смысле, вопреки утверждению некоторых.

Итак, отвечающему следует разъединять [слова, содержащиеся в вопросе]. Ведь не одно и то же сказать, [например], «видеть глазами избиваемого» и «видеть избиваемого глазами». Таково и рассуждение **Эвтидема**: «Видишь ли ныне находящиеся в **Пирее** триеры, будучи в Сицилии?» Или еще: «Может ли хороший, будучи кожевником, быть плохим? [Нет]. Но кто-то, будучи хорошим кожевником, может быть плохим. Стало быть, хороший кожевник — плохой [кожевник]. Или: «Хорошо ли изучение того, что знать хорошо? [Да]. Но знание плохого хорошо; стало быть, плохое есть хороший предмет изучения». Однако плохое есть и плохое, и предмет изучения, так что плохое есть плохой предмет изучения, (но знание плохого хорошо). Или: «Истинно ли теперь то, что ты родился? [Да]. Значит, ты родился теперь». А не означает ли это другое, когда разъединяют [эти слова]? Ведь правильно теперь

говорить, что ты родился, а не то, что ты *теперь* родился. Или: «Можешь ли ты делать *так* и *то*, как ты можешь и *что* ты можешь? [Да]. Но, не играя на кифаре, ты имеешь возможность играть на кифаре. Значит, ты мог бы играть на кифаре, не играя на кифаре». А не обстоит ли дело так, что ты не имеешь возможности играть на кифаре, когда не играешь на кифаре, а когда ты этого не делаешь, ты можешь это делать?

Некоторые раскрывают этот [софизм] и иначе. А именно, если [отвечающий] признал, что человек делает так, как он может делать, то, утверждают они, отсюда не следует, что играют на кифаре, не играя на ней, ибо этим не признали, что сделают всяким способом, каким можно делать. Ведь не одно и то же делать так, как можно, и делать всяким способом, каким можно. Однако очевидно, что они это раскрывают ненадлежащим образом. В самом деле, раскрытие доводов, основанных на одном и том же, также одно и то же, а это раскрытие подходит не для всех такого рода доводов и не для любого способа задавать вопросы, а направлено лишь против вопрошающего, а не против его довода.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

[Раскрытие софистических опровержений,
основанных на неправильном произношении]

[Софистических] доводов, основанных на произношении или ударении, нет ни в письменном виде, ни в устной речи, разве что в немногих случаях; например такой довод: «Есть ли то, где ты останавливаешься (hoу katalyeis), дом? Да. А разве «не останавливаешься» (ou katalyeis) не есть отрицание [глагола] «останавливаешься»? Да, есть. Но ты сказал, что то, где ты останавливаешься (hoу katalyeis), есть дом. Значит, дом есть отрицание». Как надо раскрыть такие [уловки], — это, конечно, ясно. Ведь не одно и то же означает сказанное с тонким придыханием и сказанное с густым придыханием.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

[Раскрытие уловок, основанных на неправильном
отождествлении нетождественного]

Ясно также, как надо выступать против [дowodов], основанных на том, что о нетождественном говорится одинаково, ведь мы знаем [все] роды категорий. А именно, [предположим, что] спрошенный согласился, что нечто обозначающее суть вещи ей не присуще. Другой же показал, что присуще нечто соотнесенное или количественное, но что по способу выражения кажется обозначающим суть; например в следующем доводе: «Может ли одно и то же в одно и то же время делать и быть сделавшим? Нет. Но ведь может в одно и то же время видеть и быть увидевшим одно и то же в отношении одного и того же». Или: «Есть ли некоторое претерпевание некоторое действие? Нет, но [по-гречески] «режется» (*temnetai*), «горит» (*kaietai*) и «воспринимает» (*aisthanetai*) выражены одинаково, и все они обозначают некоторое претерпевание. С другой стороны, «говорить», «бегать», «видеть» выражены одинаково друг с другом. Но ведь видеть (*to horan*) — значит воспринимать (*aisthanesthai*) что-то, так что «видеть» есть в одно и то же время и некоторое претерпевание, и некоторое действие». Если же в том примере кто-то согласился, что не может одно и то же в одно и то же время делать и быть сделавшим, и при этом утверждает, что можно [в одно и то же время] видеть и быть увиденным, то он еще не опровергнут, если говорит, что видеть — это не какое-то действие, а претерпевание. Ибо [для опровержения] требуется еще вопрос относительно этого. Между тем слушатель считает, что [спрошенный] признал это, поскольку он признал, что «разрезать» означает некоторое действие, а «быть разрезавшим» означает «быть сделавшим», и так же все другое, о чем говорится одинаково с этим, ибо остальное сам слушатель присовокупляет как то, что говорится одинаково с этим. Однако кое-что говорится, конечно, не одинаково, а только кажется так из-за способа выражения. Здесь происходит то же, что в случаях одноименности. В самом деле, при одноименности [отвечающий], который не знает [всех значений] слов, полагает, что [вопрошающий] отрицает суть дела, которую он утверждал, а не имя. Поэтому [для опровержения] требуется еще вопрос: говорят ли одноименные, имея в виду лишь одно [значение]? Если это признают, то опровержение будет иметь место.

С этими доводами сходны следующие. Потеряли ли то, что, [однажды] имея, затем уже не имеют? Ведь кто потерял лишь одну игральную кость, уже не будет иметь десять игровых костей. А не обстоит ли дело так, что потеряли *то*, *что* не имеют, но имели раньше? Но не обязательно, чтобы было потеряно *столько же*, сколько или сколь много [имели, но теперь] не имеют. Поэтому, после того как спросили, *что* имели, заключение делается о *количестве*, ибо десять есть количество. Если бы, таким образом, с самого начала спросили, *столько ли* потеряли, сколько имели раньше, а теперь не имеют, то никто бы не согласился, а ответили бы, что потеряли они *столько же*, или часть этого. Или [утверждают], что можно дать то, чего не имеют, ведь не имеют одну только игральную кость. А не обстоит ли дело так, что [тот, кто дал одну только кость], дал не то, чего он не имел, а *как* он не имел, а именно одну [игральную кость]? Ведь ото «только» означает не «вот это», не «такое», не «столько», а лишь отношение к чему-то другому,

например «не вместе с другим». Это точно так же, как если бы спросили, можно ли дать то, чего не имеют, и после того, как получили бы отрицательный ответ, спросили бы, можно ли скоро что-то дать, не имея скоро, и после того, как получили бы утвердительный ответ, заключили бы, что можно дать то, чего не имеют. Впрочем, очевидно, что здесь сделали не[правильное] умозаключение. В самом деле, «скоро» означает дать не это, а вот так-то, и можно нечто дать таким образом, каким его не имеют, например можно, имея что-то с удовольствием, дать его без удовольствия.

Сходны [с этими уловками] и все такого рода [уловки]: можно ли ударить рукой, которой не имеют, или видеть глазом, которого не имеют? Ведь имеют не одну только [руку и не один только глаз]. Так вот, некоторые раскрывают [такие уловки], говоря, что тот, кто имеет больше чем один глаз или что бы то ни было другое одно, имеет и один только глаз. Другие [раскрывают эти уловки], говоря, что то, что имеют, имеют так, как его получили, а именно: один дал одну только костяшку, а другой, говорят они, имеет от него одну только костяшку. Другие сразу отклоняют этот вопрос, говоря, что можно иметь то, что не получили, например получать сладкое вино, а иметь кислое вино, поскольку оно при получении испортилось. Но во всех этих случаях, как мы сказали и раньше, раскрытие направлено не против довода, а против человека. Ведь если бы оно было [настоящим] раскрытием, то тот, кто соглашается с противоположащим, не мог бы раскрыть [софистический вывод], точно так же как и при других [уловках]; например, если раскрытие состоит в том, что спрошенное признается отчасти истинным, отчасти нет, то [вопрошающий] делает [правильное] заключение, если соглашаются [с вопросом] без оговорок. Если же заключение не сделано, то не будет и раскрытия. В несколько ранее указанных [уловках], говорим мы, не будет умозаключения и в том случае, если [отвечающий] соглашается со всем.

Далее, к таким доводам относятся и следующие: «Писал ли кто-то то, что написано? [Да]. Но то, что написано, что ты сидишь, — это теперь ложная речь. Однако она была истинна, когда это писали. Значит, в одно и то же время писали ложное и истинное». Ложность же или истинность речи или мнения указывает не «вот это», а «такое-то», ведь то же соображение относится и к мнению. Равным образом [такая уловка]: «Есть ли то, что учащийся учит, то, что он учит? [Да]... Но ведь медленное он учит быстро». Однако [вопрошающий] сказал не о том, что учащийся учит, а о том, *как* он учит. Или: «Топчут ли ногами то, что проходят? [Да]. Но кто-то проходит целый день; [значит, он топчет ногами день]. Однако [вопрошающий] сказал не о том, что проходят, а о том, *когда* проходят. Равным образом когда говорят: «Я пью чашу», то имеют в виду не то, что пьют, а то, из чего пьют. Или: «Разве не знают то, что знают или потому, что этому учились, или потому, что сами дошли до этого? Однако то из знаний, которое приобрели отчасти учением, отчасти самостоятельно, не есть ни и один из этих двух [видов знания]. Или быть может, имеют в виду каждое в отдельности, а не все вместе. Или: «Есть некий третий человек помимо само-по-себе-человека и отдельных людей» На самом же деле «человек» и все то, что обще [многим], означает не определенное нечто, а некоторое качество, или количество, или соотнесенное и тому подобное. Это точно так же, как в том случае, когда спрашивают, одно ли и то же или разное Кориск и образованный Кориск. Ведь одно означает определенное нечто, а другое — определенное качество. Так что нельзя отвлечь последнее [от первого]. Однако не отвлечение создает «третьего человека», а признание того, что он есть именно определенное нечто. Дело в том, что человек, как таковой, не есть определенное нечто, как Каллий, и будет ничуть не лучше, если скажут, что отвлеченное есть не определенное нечто, как таковое, а качество, как таковое. Ведь «то, что помимо многих» будет чем-то одним, например «человек». Таким образом, очевидно, что нельзя соглашаться с тем, что **сказываемое** как общее [многим] есть определенное нечто, а следует утверждать, что оно означает или качество, или соотнесенное, или количество и тому подобное.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

[Общие замечания о раскрытии софистических опровержений, основанных на неправильном употреблении оборотов речи]

Вообще же раскрытие [софистических] доводов от оборотов речи всегда должно опираться на противоположащее тому, на чем основывается довод. Например, если довод основывается на соединении, то раскрытие состоит в разъединении, а если он основывается на разъединении, то раскрытие состоит в соединении. Далее, если довод основывается на произношении [слога] с тонким придыханием, то раскрытие — на густом придыхании; если довод — на густом придыхании, то раскрытие — на тонком придыхании. Если же довод основывается на одноименности, то раскрывать надо, указывая противоположащее имя; например, если случается так, что утверждают, что нечто неодушевленно, после того как это отрицали, то следует показать, что оно одушевленное. Если же [отвечающий] сказал «неодушевленное», а [вопрошающий] умозаключил, что оно одушевленное, то следует сказать, что оно неодушевленное. И точно так же в случаях двусмысленности. Если же [довод] основывается на сходстве [выражений], то раскрытием будет противоположащее. [Например, на вопрос], можно ли дать то, чего не

имеют, следует ответить, что дать можно не *то*, чего не имеют, а *как* его не имеют, например одну только игральную кость. Или [на вопрос], разве не знают то, что знают или потому, что этому учились, или потому, что сами дошли до этого, [следует ответить: да], но не все, что знают, [приобретено или только учением, или только самостоятельно]. Или [на вопрос], топчут ли ногами то, что проходят, [следует ответить: да], но это не относится ко времени [прохождения]. И точно так же в других случаях.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

[Раскрытие паралогизмов, основанных
на неправильном употреблении привходящего]

Раскрытие всех [паралогизмов] от привходящего — одно и то же. А именно, так как неопределенно, когда надо говорить о вещи то, что присуще привходящему, и в одних случаях это кажется правильным и утверждается, а в других случаях необходимость этого отрицают, то, когда заключение сделано, следует для всех случаев одинаково сказать, что это не необходимо. С другой стороны, следует [каждый раз] приводить примеры. Все следующие [паралогизмы] — от привходящего: «Знаешь ли ты, что я намерен тебя спросить?», «Узнаешь ли ты того, кто приближается или кто закутан?», «Есть ли изваяние твое произведение?», «Есть ли этот пес твой отец?», «Есть ли немного, умноженное немного раз, немного?» В самом доле, во всех этих [примерах] очевидно, что то, что правильно для привходящего, не обязательно правильно и для самой вещи. Только тому, надо полагать, что неразлично и едино по сущности, все [сказуемые] присущи одинаково. Для блага же не одно и то же быть благом и намереваться спросить о нем. И для приближающегося или закутанного не одно и то же быть приближающимся или быть **Кориском**. Так что если я знаю Кориска, но не узнаю приближающегося, то это не значит, что я одного и того же и знаю и не знаю. И если нечто — мое и оно произведение, то это не значит, что оно мое произведение, а значит лишь, что оно мое имущество, моя вещь или еще что-то в этом роде. И точно так же в других случаях.

Некоторые же раскрывают [эти уловки], разделяя вопрос. Они утверждают, что одну и ту же вещь можно знать и не знать, но не в одном и том же отношении. Поэтому, не узнавая приближающегося и зная Кориска, знают и не знают, говорят они, одно и то же, но не в одном и том же отношении. Но, во-первых, как мы уже сказали, для доводов, исходящих из одного и того же, способ исправления должен быть одним и тем же. А этого не будет, если одно и то же положение берется не относительно [глагола] «узнать», а относительно [глаголов] «быть» или «находиться в каком-то состоянии», как [в примере]: «Есть ли этот [пес] отец? [Да]. Но он твой. [Значит, он твой отец. Если же в некоторых случаях это правильно и одно и то же можно знать и не знать, то все равно названное [раскрытие] нисколько здесь не подходит. Ничто ведь не мешает, чтобы один и тот же довод имел много пороков, однако выявление не всякой порочности есть раскрытие. Ведь можно показать, что умозаключение неправильно, но в силу чего — не показать, например довод Зенона о том, что ничто не может быть приведено в движение. Поэтому если пытаются заключать, что это возможно, то не попадают в цель хотя бы и строили тысячу умозаключений. Ибо это не раскрытие. Дело в том, что, как было сказано, раскрытие есть выявление ложного умозаключения, показывающее, в силу чего оно ложно. Поэтому если [собеседник] не сделал умозаключения или же пытался [ложным путем] заключать к чему-то — истинному ли или ложному, то обнаружение этого [недостатка] и есть раскрытие. Конечно, вполне возможно, чтобы в некоторых случаях и такое раскрытие, [о каком говорят некоторые], оказалось удачным, но по крайней мере в указанных [уловках] это, надо полагать, не так. Ведь о Кориске знают, что он Кориск, и о приближающемся — что он приближается. Но может казаться правильным, что об одном и том же знают и не знают; например, можно знать, что Кориск бледный, но не знать, что он образованный. Так, конечно, можно об одном и том же знать и не знать, однако не в одном и том же отношении. А о приближающемся и Кориске знают, что [первый] есть приближающийся и что [второй] — Кориск.

Таким же образом, как те, о которых мы говорили, не попадают в цель и те, кто раскрывает, утверждая, что всякое число мало. Ибо если, несмотря на то что умозаключения не делают, утверждают, что правильно умозаключили (так как всякое [число] велико и мало), то в цель не попадают.

Некоторые же раскрывают такие умозаключения, как, например, что отец, или сын, или раб — твой, указывая на двоякий смысл этих умозаключений. Однако очевидно, что если опровержение кажется основанным на многозначности [слов], то имя или речь должны употребляться в прямом смысле в отношении многого. Кто, однако, говорит, что этот [мальчик] есть ребенок этого [человека], употребляет эти слова не в прямом смысле, если [последний] есть хозяин ребенка, а соединение [слов] основывается на [неправильном использовании] привходящего. «Твое ли это? Да. Но это ребенок. [Да]. Значит, этот ребенок твой». Однако он не твой ребенок: то, что он твой и ребенок — это нечто привходящее.

И [точно так же в уловке, при помощи которой заключают, что] есть некоторое благо [среди] зла (ton

какOn), так как рассудительность есть знание зла (ton kakon). Но [выражение] «это этого» (toyto toyton) не многозначно, а означает [лишь] принадлежность [одного другому]. Однако даже если это выражение было бы многозначным (ведь говорят же «человек есть [в числе] живых существ (ton dzQon)», хотя он не есть их принадлежность) и даже если нечто так относили бы к злу, как «нечто чего-то» (hos tinos), потому что оно есть [среди] зла (ton kakon), а [в действительности] оно не есть [среди] зла, то [все равно] это [софистическое опровержение] основывается, видимо, на [смешении] [присущего] каким-то образом и [присущего] вообще. Впрочем, благо может, пожалуй, быть благом [среди] зла в двояком смысле, но не в указанном доводе, а скорее в таком, как: «Есть ли хороший раб плохого [господина]?» А может быть, и в этом [примере] нет двоякого смысла. Ведь если он хороший и есть его [раб], то это не значит, что он вместе «его хороший». Равным образом и утверждение, что человек есть ton dzoön, не многозначно. Ведь если мы порою обозначаем что-то, отсекая [какую-то часть], то от этого многозначность не возникает. Ведь и произнося половину стиха (например, «воспевай, о богиня, гнев»), мы указываем — «дай мне Илиаду».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

[Раскрытие софистических опровержений, основанных на смешении, безотносительного и относительного]

[Софистические доводы], основанные на том, что о чем-то [присущем] в собственном смысле утверждают как [о присущем] в каком-то отношении, или где-то, или каким-то образом, или в отношении чего-то, но не вообще, должно раскрывать, исследуя заключение в сопоставлении с противоречащим ему и выясняя, может ли его касаться что-то из перечисленного, ибо противоположности и противолежащие друг другу [вещи], утверждение и отрицание не могут быть присущи одному и тому же вообще, однако ничто не мешает, чтобы каждое из них было присуще ему в каком-то отношении, или в отношении чего-то, или некоторым образом или же одно из них — в каком-то отношении, а другое — вообще. Поэтому если одно [присуще] вообще, а другое — лишь в каком-то отношении, то нет еще опровержения. И это должно исследовать в заключении, сопоставляя его с тем, что ему противоречит.

Все такого рода доводы таковы: «Может ли не-сущее быть? [Нет]. Но ведь не-сущее *есть* что-то». Точно так же и сущего не будет, ведь оно не будет чем-то из существующего. [Или]: «Можно ли в одно и то же время клясться верно и ложно?», «Может ли одни и тот же в одно и то же время верить и не верить одному и тому же?» Но разве быть чем-то и быть [вообще] одно и то же? Ведь если не-сущее что-то есть, то это не значит, что оно есть вообще. И если кто-то верно клянется вот этим или вот таким-то образом, то не обязательно, чтобы он вообще клялся верно. Ведь кто, например, клялся, что он даст ложную клятву, верно клялся только в отношении ложной клятвы, но не клялся верно [вообще]. И тот, кто не верит, не верит не вообще, а во что-то. Таково же соображение относительно [высказывания], что один и тот же в одно и то же время говорит неправду и правду. Но из-за того, что нелегко заметить, прилагается ли «вообще» к [выражению] «говорить правду» или к [выражению] «говорить неправду», [раскрыть софизм] кажется трудным. Однако ничто не мешает, чтобы один и тот же вообще-то говорил неправду, а в каком-то отношении и о чем-то говорил правду или чтобы в чем-то он был правдив, а вообще-то неправдив. Точно так же обстоит дело и с [присущим] в отношении чего-то, где-то и когда-то. А именно, все такого рода доводы основываются на этом: [например], «есть ли здоровье или богатство благо? Но для безрассудного и неправильно пользующегося ими они не благо. Значит, они и благо и не благо». Или: «Лучше ли быть здоровым, чем быть могущественным в полисе? [Да]. Но иногда это не лучше. Значит, для одного и того же одно и то же и благо и не благо». Но что же мешает, чтобы нечто, будучи вообще благом, для того-то и того-то не было благом или хотя и для него благом, но не теперь и не здесь. Или: «То, чего не желает рассудительный, — зло ли это? [Да]. Но он не желает терять благо; значит, благо есть зло». Однако сказать, что благо есть зло и что терять благо есть зло, — это не одно и то же. Точно так же [следует раскрывать] довод относительно вора. А именно, если вор есть зло, то это не значит, что брать [его] — зло. Ведь [тот, кто желает взять вора], желает не зла, а блага. Ибо брать [вора] есть благо. Так же и болезнь — зло, но не избавляться от болезни. Или: «Разве не более предпочтительно справедливое, чем несправедливое, и [поступать] справедливо, чем [поступать] несправедливо? [Да]. Однако быть несправедливо осужденным на смерть предпочтительнее, [чем быть осужденным на смерть] справедливо». [Или]: «Справедливо ли каждому иметь что-то свое? [Да]. Но ведь то, что [судья] судит согласно своему мнению, хотя бы оно и было ложным, имеет законную силу. Значит, одно и то же справедливо и несправедливо». Или: «Кого следует осуждать: того, кто говорит справедливое, или того, кто говорит несправедливое? Но ведь справедливо, чтобы тот, с кем поступили несправедливо, имел возможность говорить о том, что он претерпел; а это как раз и было несправедливое». Дело, однако, в том, что если предпочтительно претерпевать что-то несправедливо, то это не значит, что [поступать] несправедливо более предпочтительно,

чем [поступать] справедливо, а вообще [поступать] справедливо более предпочитаемо, хотя ничто не мешает, чтобы в определенном случае [поступать] несправедливо было более предпочитаемо, чем [поступать] справедливо. И иметь свое справедливо, а иметь чужое несправедливо. Однако никто не мешает, чтобы этот приговор был справедливым, например если он был вынесен согласно мнению судьи. Ведь если нечто справедливо в определенном случае и вот таким образом, то это не значит, что оно вообще справедливо. Точно так же ничто не мешает говорить о несправедливом справедливо. Ведь если *говорить* [о том-то и том-то] справедливо, то не обязательно, чтобы *оно* было справедливо, точно так же как если о чем-то *говорить* полезно, то это не значит, что *оно* полезно. И то же можно сказать и о справедливом. Так что если сказанное несправедливо, то это не значит, что тем самым одерживает верх тот, кто говорит несправедливое. Ибо он говорит то, что *говорить* справедливо, но что вообще несправедливо и что претерпевать несправедливо.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

[Раскрытие паралогизмов, основанных на незнании опровержений]

Против тех [опровержений], которые получаются вразрез с определением опровержения, должно выступать, как намечено раньше, исследуя заключение в сопоставлении с противоречащим ему, касается ли оно того же самого, [что и тезис], и в том же отношении, в отношении того же, таким же образом и применительно к тому же времени. Если задают вопрос еще вначале, то не следует признавать как невозможное то, что одно и то же есть двойное и не двойное, а следует согласиться [с такой возможностью], но не таким образом, чтобы на основе того, что признано, можно было делать опровержение. Все следующие доводы основываются на такого рода [приеме]: «Знает ли вещь тот, кто знает, что то-то есть то-то? И кто не знает — точно так же? Но ведь тот, кто знает, что Кориск есть Кориск, может не знать, что он образованный, так что он одно и то же знает и не знает». Или: «Больше ли имеющего в длину три локтя то, что имеет в длину четыре локтя? [Да]. Но ведь может имеющее в длину три локтя стать имеющим в длину четыре локтя? [Да]. Но большее больше меньшего? [Да]. Значит, нечто больше и меньше самого себя».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

[Отношение к постулированию положенного вначале]

Что касается опровержений от постулирования и принятия [положенного] вначале, то, если [ошибка эта сразу] ясна, не следует соглашаться [с положением] расспрашивающего, хотя бы оно было правдоподобным, а следует говорить истину. Если [ошибка] остается [вначале] незамеченной, то, используя порочность таких доводов, следует это незнание обратить против спрашивающего, [упрекая его в том], что он неправильно рассуждал, так как опровержение должно делать без [положенного] вначале. Далее [следует сказать], что согласились [с положением собеседника] не для того, чтобы оно было использовано [последним], а для того, чтобы умозаключать к противоположному ему, иначе, чем это делается в ложных опровержениях.

(С.585). ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

[Раскрытие софистических опровержений, основанных на неправильном выведении следствий]

А что касается [доводов], исходящих из следствия, то надо показать, что [ошибка кроется] в самом доводе. Следование того, что следует, может быть двояким. А именно, во-первых, как общее следует из частного, например «живое существо» — из «человека». В этом случае полагают, что если одно сопутствует другому, то и другое — первому. Или [во-вторых], по противопоставлению, а именно если одно следует из другого, то и противоположащее [первому] — из противоположащего [второму]. На этом основывается и довод Мелисса, а именно: раз возникшее имеет начало, то, надо полагать, невозникшее не имеет начала. Поэтому если Вселенная есть невозникшее, то она беспредельна [по длительности]. Но это не так, ибо следование здесь обратное.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

[Раскрытие софистических опровержений, основанных на присовокуплении к доказательству того, что не имеет отношения к предмету обсуждения]

Что касается [опровержений], **умозаключающих** от присовокупления, следует смотреть, не обстоит ли дело так, что и по устранении [**присовокупленного**] невозможное тем не менее вытекает, а затем следует выявить это и сказать, что согласились [с **присовокупленным**] не потому, что оно кажется правильным, а

для того, чтобы [собеседник использовал его] в своем доводе, но для довода оно нисколько не было использовано.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

[Раскрытие софистических опровержений, основанных на принятии многих вопросов за один]

Против [паралогизмов] от сведения многих вопросов к одному следует сразу же, с самого начала [эти вопросы] разграничить. Ведь вопрос один, если на него можно дать [лишь] один ответ. Поэтому не следует утверждать или отрицать многое относительно одного или одно относительно многого, а надо утверждать или отрицать [лишь] одно относительно одного. Так вот, подобно тому как у двух различных [вещей], имеющих одно имя, бывает, что нечто то обеим присуще, то ни одной не присуще, а потому, хотя вопрос и неодносложный, нет никакой беды, если дают на него односложный ответ, точно так же обстоит дело и здесь. Таким образом, когда многое присуще одному или одно — многому, никакого внутреннего противоречия не следует для тех, кто дал простой [ответ] и допустил ту же ошибку. Когда же нечто одному присуще, другому нет или о многом говорится многое, а то и другое в одном смысле тому и другому присуще, в другом же смысле не присуще, тогда надо быть осмотрительным, как в следующих доводах. Если одно — благо, другое — зло, [то на вопрос, оба ли благо или зло, следует ответить], что правильно сказать, что они благо и зло или, наоборот, они не есть ни благо, ни зло (ибо каждое из них не есть то и другое), так что они одинаково суть и благо и зло и не суть ни благо, ни зло. И если каждая [вещь] тождественна самой себе и отлична от другой, то, так как [обе вещи] тождественны но другим, а самим себе и отличны от самих себя, одни и те же [вещи] отличны от себя и тождественны себе. Далее, если благо становится злом, а зло есть благо, то они должны стать двумя [вещами]. И из двух неравных [величин] каждая равна самой себе, так что они и равны и не равны сами себе.

Эти [опровержения] поддаются и другого рода раскрытию, так как и «оба» и «все» имеют больше одного значения. Стало быть, [в этих доводах] получается, что утверждают и отрицают только имя, а не одну и ту же [вещь], а это, как мы видели, но есть опровержение. Впрочем, очевидно, что когда не ставится один вопрос о многом, а относительно одного утверждается или отрицается одно, то невозможное не получится.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

[Раскрытие софистических опровержений, основанных на принуждении противника к повторению одного и того же]

Что касается [паралогизмов], заставляющих говорить неоднократно одно и то же, то очевидно, что не следует соглашаться, что указанное как соотнесенное, взятое отдельно само по себе, что-то означает, например двойное — вместо двойного половины, потому что представляется ясным, [что одно подразумевается в другом]. Ведь и «десять» имеется в «десять без одного», и «делать» — в «не делать», и вообще утверждение — в отрицании. По это все же не значит, что если говорят «это не бело», то тем самым говорят «оно бело». Но «двойное» [само по себе], пожалуй, ничего не означает, так же как и «половина». А если [каждое из них что-то] означает, то все же не то же самое, [что в сочетании], и не связанное целое. И определенного вида знание, как, например, врачебное знание, в существе своем не есть знание как общее. Ведь последнее, как было сказано, есть знание познаваемого. Когда же имеют дело со сказуемыми, которые разъясняются через [подлежащие], следует сказать, что отдельно и в речи **разъясняемое** означает не одно и то же. В самом деле, вогнутость как нечто общее указывает в курносом и кривоногом на одно и то же, но как **присовокупленное** оно вполне может означать разное — одно для носа, другое для ноги: в первом случае оно означает курносое, во втором — кривоногое. И нет никакой разницы, говорят ли «курносый нос» или «вогнутый нос». Далее, не следует соглашаться с подобными выражениями как обозначающими нечто прямо. Ибо в таком случае они ложны, ведь **курносость** не есть вогнутый нос, а нечто относящееся к носу как свойство его. Поэтому нет ничего нелепого [в утверждении], что курносый нос есть нос, обладающий вогнутостью носа.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

[Раскрытие софистических опровержений, основанных на использовании погрешностей в речи]

Что касается погрешностей в речи, то мы уже говорили раньше, от чего они по видимости происходят. А как их надо раскрывать, — это должно быть очевидно из самих [софистических] доводов. Все следующие [доводы] имеют намерение обосновать [через слово] «это». «То, что называешь верно, это также и *есть* верно? [Да]. Но ты называешь что-то каменной глыбой; значит, оно есть каменной глыбой». Но когда называешь каменную глыбу, ты называешь не *этой*, а эту. Если бы, таким образом, спросили: ту,

которую ты называешь верно, есть ли она *эту*, то говорили бы неправильно, так же как и в том случае, если бы спросили: тот, которого ты называешь, есть ли он она? Если же называют дерево или вообще все, что не есть женского или мужского рода, то это не имеет значения, потому что не получится погрешности в речи, если то, о чем ты говоришь, что оно есть, есть это. Ты говоришь про *это* дерево, и оно есть *это* дерево. Но «камень» и «этот» имеют форму мужского рода. А если бы спросили: есть ли «этот» «эта»? [Нет]. И потом снова: как же, разве «этот» не Кориск? А затем сказали бы: значит, «*этот*» есть «эта», — то в этом случае погрешность в речи не была бы выведена через умозаключение, даже если Кориск означал бы то же, что «эта», но отвечающий не согласился бы; об этом следовало бы еще задать вопрос. И если это не так и [отвечающий] не согласился с этим, то погрешность в речи не была выведена через умозаключение — ни на самом деле, ни против спрошенного. Точно так же в указанном выше [примере] «каменная глыба» должна означать «эта». Если же это не так и не согласились с этим, то заключение не следует выводить, хотя оно кажется [верным] оттого, что несходное окончание слова кажется сходным. [Или еще пример]: «Правильно ли говорят, что она есть то, за что ты ее выдаешь? [Да]. Но ты выдаешь ее за битву; значит, она есть битву». Или быть может, не обязательно [делать такой вывод], если «она» значит не «битву», а «битва», «эту» же означает «битву». И точно так же если то, что ты выдаешь за этого, есть этот, а ты выдаешь его за Клеона, то разве это значит, что он есть Клеона? Нет, он не есть Клеона. Ибо было сказано: за что я его выдаю, *этот* он и есть, а не *этого*. Ведь так ставить вопрос [- есть ли он этого?] — было бы неправильно. [Или:] «Знаешь ли это? [Да]. А это есть каменная глыба; значит, ты знаешь каменная глыба». Однако «это» [в высказывании] «знаешь ли это» не то же самое «это», что [в высказывании] «это есть каменная глыба». В первом оно означает «эту», а во втором — «эта». [Или:] «Знаешь ли ты то, знание чего ты имеешь? [Да]. Но ты имеешь знание каменной глыбы; значит, ты знаешь каменной глыбы». Однако же когда ты говоришь «этой», разумеешь «каменной глыбы», а (С.589). когда «эту» — «каменную глыбу», а согласились [лишь] с тем, что знание чего ты имеешь, ты знаешь, но не «этой», а «эту», а потому не «каменной глыбы», а «каменную глыбу».

Итак, что такого рода доводы выводят погрешность в речи через умозаключение не на деле, а только по видимости, и почему по видимости, и как надо выступать против них, — это из сказанного очевидно.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

[Степень трудности раскрытия
софистических опровержений разных видов]

Следует также принимать во внимание, что из всех [софистических] доводов одни легче, другие труднее усмотреть, на каком основании и чем они вводят в заблуждение слушателя, хотя часто последние тождественны первым. Ведь одними и теми же следует называть доводы, которые строятся на одном и том же основании. Но один и тот же довод может одним казаться основанным на словесном выражении, другим — на приводящем, третьим — на чем-то еще, так как каждый довод не одинаково ясен из-за того, что [термины в нем] имеют и переносный смысл. Поэтому [в паралогизмах] от одноименности, которая кажется самым бесхитростным способом строить паралогизмы, одни ясны даже первому встречному (ведь почти все забавные высказывания основываются на словесных выражениях, например: «мужчина нес по лестнице **diphron** (колесницу-стул)»; [или:] «Куда **stellesthe** (отправляетесь — приглашаете)? К парусам»; [или:] «Какая из двух коров телится **emprosthen** (прежде — спереди)? Никакая, а обе сзади»; [или:] «Есть ли Борей (бог северных ветров — северный ветер) **katharos** (чистый — невинный)? Нисколько, ибо он **умерщвил** [служей] пьяного нищего»; [или:] «**Эварх** (имя и покорный) ли это? Нисколько, это **Аполлонид**», и подобным образом почти все остальные [уловки]; а другие остаются, по-видимому, не замеченными даже самым опытным. Доказательством этого служит то, что часто спорят о словах, например во всех ли случаях сущее и единое означают одно и то же или разное. Одни считают правильным, что сущее и единое означают одно и то же, другие раскрывают довод Зенона и **Парменида**, утверждая, что о едином и сущем говорится во многих значениях. И точно так же в паралогизмах от приводящего и всех других [неправильностей, независимых от оборотов речи, одни доводы] уразуметь легче, а другие — труднее. И не одинаково легко относительно всех постичь, к какому роду они принадлежат и есть ли они [действительные] опровержения или нет.

Изощренный довод — это тот, который приводит в наибольшее затруднение, ибо он больше всех других делает [спрошенного] уязвимым. А затруднение здесь двоякое: когда доводы приводятся через умозаключение, но знают, какую из посылок следует опровергнуть, а когда приводятся эристические доводы, не знают, как [собеседник] выразит выдвигаемое положение. Поэтому, чем более изощрены доводы, приводимые через умозаключение, тем больше приходится искать. А довод, приводимый через умозаключение, более всего изощрен, если он, исходя из весьма правдоподобных [посылок], опровергает весьма правдоподобное [положение]. В самом деле, когда довод один, тогда при превращении по

противоречию он будет иметь все умозаключения одинаковыми, ибо исходя из правдоподобных [посылок] он всегда оспаривает одинаково правдоподобное [заключение]; поэтому необходимо возникает затруднение. Таким образом, наиболее изощрен такой довод, который делает заключение, равное [по правдоподобию] посылкам. На втором месте [по изощренности] — тот довод, все [посылки] которого одинаково [правдоподобны], ибо он приводит в одинаковое затруднение — какую же из посылок следует оспорить. А трудность состоит в том, что какую-то [посылку] оспорить надо, но которую из них — это не ясно. Из эристических доводов наиболее изощрен прежде всего тот, относительно которого сразу неясно, приведен ли он через умозаключение или нет и следует ли его раскрывать на основании [изобличения] ложного или на основании различия. На втором месте [по изощренности] находится тот из остальных [эристических доводов], относительно которого хотя и ясно, что [раскрыть его следует] на основании различия или **оспариваний**, но не видно, через оспаривание или различение какой из посылок следует раскрывать и следует ли это оспаривание или различение соотносить с заключением или с какой-нибудь из посылок.

Порою же довод, приводимый без [подобающего] умозаключения, бесхитростен, если посылки совершенно неправдоподобны или ложны. Иногда же не стоит пренебрегать таким доводом, ибо, когда недостает одной из таких посылок, относительно которых и посредством которых приводится довод, тогда бесхитростно и умозаключение, которое не добавило этой посылки и не вывело [подобающего] заключения; когда же опущено нечто постороннее, тогда никак не следует пренебрегать доводом: он подходящий, но вопрошающий ставил вопросы не надлежащим образом.

Так же как раскрытие [софистического опровержения] обращено то против довода, то против вопрошающего и против способа, каким задают вопросы, а иногда не обращено ни против того, ни против другого, точно так же [софист] может спрашивать и умозаключать и против тезиса, и против отвечающего и в отношении времени, когда раскрытие требует больше времени, чем это позволяют данные обстоятельства.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

*[Заключение. Общий вывод об учении
о софистических опровержениях и о всей топике]*

Итак, о том, на скольких и на каких основаниях получают паралогизмы в рассуждениях, как мы должны изобличать ложное и заставлять говорить не согласующееся с общепринятым, из чего следует погрешность в речи, как надо ставить вопросы и в каком порядке следует их ставить, для чего полезны все такого рода доводы, как вообще следует отвечать и как надо раскрывать доводы и погрешности в речи, — обо всем этом было сказано нами. Остается еще напомнить первоначальное намерение, коротко сказать об этом и завершить исследование.

Итак, мы замыслили найти некоторое средство строить умозаключения относительно предложенных для обсуждения проблем на основе наиболее правдоподобных из имеющихся [посылок]. Ибо это и есть дело диалектики, как таковой, и искусства испытывания. А так как из-за сходства с софистикой у диалектики прибавляется еще и задача — уметь подвергать испытанию [рассуждения собеседника] не только диалектически, но и наподобие сведущего, то целью исследования было не только выполнение названной задачи, а именно умение выслушивать чужие доводы, но и умение, защищая свои доводы, таким же образом отстаивать тезис при помощи как можно более правдоподобных [посылок]. О том, что послужило поводом к этому, мы уже говорили. По этой же причине Сократ ставил вопросы, но не давал ответов, ибо признавал, что он [их] не знает. В предыдущих же [книгах «Топики»] было показано, для скольких и в каких случаях [этот способ исследования] применим и откуда мы добываем в достаточной мере [топы], как надо задавать вопросы и в каком порядке, а также как отвечать и раскрывать умозаключения [вопрошающего]. Было также показано и все остальное, что относится к этому способу исследования доводов. И кроме того, как уже было сказано раньше, мы подробно перебирали паралогизмы. Таким образом, очевидно, что мы подобающим образом достигли своей цели. Однако не следует нам забывать обстоятельства создания этого исследования. Из всего, что изобретено [людьми], одно заимствовано от других, ранее занимавшихся этим, а затем постепенно совершенствовалось их преемниками, другое из вновь изобретенного, как правило, с самого начала преуспевало мало, тем не менее оно гораздо ценнее того, что из него выросло. Ибо, как говорят, начало чего бы то ни было есть, пожалуй, важнейшая часть, а потому и самая трудная. Ибо чем сильнее оно по своей возможности, тем меньше оно по размаху и потому труднее всего постичь. Но если начало найдено, то остальное уже легче добавлять и приумножать. Именно так это получилось с искусством красноречия и почти со всеми другими искусствами. В самом деле, те, кто изобрел то или другое начало [искусства красноречия], продвинулись крайне мало. А те, кто ныне пользуется доброй славой, будучи преемниками многих

продвигавшихся, как бы сменяя друг друга, приумножали таким именно образом: **Тисий** — после первых [изобретателей], **Фрасимах** — после **Тисия**, Теодор — после него, и так многие внесли не малую долю [в преуспевание] искусства красноречия, а потому нечего удивляться определенной полноте этого искусства. Что касается настоящего учения, то дело обстояло не так, что частью оно было заранее разработано, а частью нет: в наличии не было ровно ничего. Обучение **эристическим** доводам за плату было сходно с учением **Горгия**. Ибо одни предлагали [ученикам] заучивать риторические речи, другие — речи, в которых умело ставятся вопросы, речи, которые, как они полагали, чаще всего подходят для приведения доводов за и против. Поэтому обучение ими учеников было быстрым, но неумелым. Ибо они полагали, что можно обучать, передавая ученикам не [само] искусство, а то, что получено искусством, точно так же как если бы кто обещал передать знание того, как избавляться от боли в ногах, и после этого не обучал кожевному ремеслу и способу, каким можно изготавливать такую обувь, а [вместо этого] предложил целый набор всевозможной обуви. Это, конечно, принесло бы пользу, но не содействовало бы обучению искусству. И в искусстве красноречия имелось многое и давно сказанное. Что же касается учения об умозаключениях, то мы не нашли ничего такого, что было бы «сказано до нас, а должны были сами создать его с большой затратой времени и сил. Если же вам, рассматривающим это учение, созданное вначале при таких обстоятельствах, оно кажется вполне удовлетворительным по сравнению с другими учениями, расширявшимися на основе предания, то остается сказать, что вам, слушателям, следует быть снисходительными к упущениям в этом учении, а за все изобретенное нами — глубоко признательными.